

Зодд.

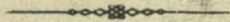
Евстахія Шимильска 13. X. 1906

Проф. Мих. Грушевскій.

УКРАИНСВО ВЪ РОССІИ, ЕГО ЗАПРОСЫ И. НУЖДЫ.

(Глава изъ «Очерка исторіи украинскаго народа»).

Цѣна 25 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія т-ва «Общественная Польза», Больш. Подъячская, 39.

1906.

2011.

Проф. Мих. Грушевскій.

УКРАИНСТВО ВЪ РОССІИ, ЕГО ЗАПРОСЫ И НУЖДЫ.

(Глава изъ «Очерка исторіи украинскаго народа»).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Т-ва «Общественная Польза», Больш. Подъяческая, 39.

1906.

Nr inwest. 2011.

947.0:947.7

"17/18" = 83

УКРАЇНСЬКО-ПОЛСЬКА

ІСТОРИЯ НАУКИ

Однимъ изъ самыхъ важныхъ и жгучихъ вопросовъ, одною изъ самыхъ грандіозныхъ и благодарныхъ задачъ, какія предстоитъ разрѣшить освобождаемой Россіи, является, несомнѣнно, вопросъ украинскій. Скорое, успѣшное, справедливое разрѣшеніе его неотложно необходимо не только въ интересахъ самого украинскаго народа—самой большой изъ негосударственныхъ народностей Россіи, обреченной старымъ режимомъ на самыя невозможныя условія существованія, — но и всей освобождаемой Россіи. Подавленіе естественныхъ стремленій огромнаго, тридцатимилліоннаго населенія къ своему развитію и самоопредѣленію неизбежно порождаетъ не только застой и упадокъ, но и всякаго рода аномаліи—какъ въ средѣ подавляемой, такъ и въ тѣхъ органахъ, которыми это подавленіе производится. Система гнета и денаціонализаціи неизбежно становится системою политической и общественной деморализаціи, и угнетаемыя провинціи всегда и вездѣ служатъ очагомъ разложенія для самихъ господствующихъ народностей,—для всего государственнаго организма. Какоего рода элементы создаетъ система, царствующая въ подавляемыхъ окраинахъ Россіи, событія послѣднихъ мѣсяцевъ еще разъ показали съ полною очевидностью. Въ числѣ ихъ лишенная условій правильнаго развитія и самоопредѣленія Украина останется тяжелымъ камнемъ у ногъ будущей Россіи.

Въ нынѣшнее тревожное и кипучее время въ Россіи книга и журналъ все болѣе вытѣсняется газетой и брошюрой. Это понуждаетъ меня, въ интересахъ большого распространенія, предложить въ видѣ отдѣльной брошюры заключительную главу изъ выпущеннаго на дняхъ новаго изданія моего „Очерка исторіи украинскаго народа“, гдѣ я имѣлъ въ виду представить современное состояніе украинства въ Россіи, невозможныя условія, въ которыя поставлено украинское населеніе, и его наиболѣе неотложныя нужды. Хотя вѣ въ связи съ предшествующими главами „Очерка“—съ исторією украинскаго національнаго движенія въ XIX в., обзоромъ отношеній правительства къ политическимъ и національнымъ стремленіямъ украинскаго общества въ XVIII и XIX в. съ одной стороны, и съ очеркомъ современнаго состоянія украинства въ Австро-Венгріи съ другой,—можетъ быть не все въ настоящемъ обзорѣ будетъ представляться съ желательною ясностью и опредѣленностью, такъ какъ въ книгѣ многое изъ сказаннаго является выводомъ изъ предшествующаго изложенія, съ болѣею убѣдительностью и доказательностью, но думаю, что и эта глава въ видѣ отдѣльной брошюры также не будетъ бесполезна. Не имѣя въ виду представить современное состояніе украинскаго народа въ Россіи во всей полнотѣ и всесторонности, я хочу ея только еще разъ обратить вниманіе представителей прогрессивной Россіи на вопиющее положеніе, въ которое было поставлено украинское населеніе Россіи старымъ режимомъ, изъ котораго оно не выведено и до сего дня, но должно быть выведено неотложно не только въ интересахъ справедливости, но и въ интересахъ успѣха освобожденія Россіи.

Будутъ ли открыты украинскому народу дороги къ культурному и общественно-политическому самоопредѣленію, будутъ ли сняты съ него оковы, тяготѣющія на его національной жизни, найдетъ ли онъ въ своихъ стремленіяхъ поддержку, равнодушіе или недоброжелательство въ другихъ народностяхъ Россіи и прежде всего—у представителей прогрессивной части великорусскаго общества,—это вопросъ, стѣ

котораго зависит очень многое. Освобождение России невозможно без раскрепощения входящих в ее состав народностей и создания для них нормальных условий жизни и развития, и то, въ какія условия будет поставленъ такой крупный членъ этого союза народовъ, какъ народность украинская, несомнѣнно, очень сильно повліяетъ на дальнѣйшій ходъ освободительнаго движенія и устройство будущихъ отношеній. На это я хочу обратить вниманіе прогрессивной части общества и въ частности—его руководящихъ представителей.

1 мая н. с. 1906 г.

Если въ украинскихъ земляхъ Австро-Венгріи національное развитіе украинской народности, de jure обладавшаюю полною свободою, встрѣчаетъ большія препятствія въ тяжелыхъ экономическихъ, общественныхъ и политическихъ условіяхъ, дѣлающихъ успешное движеніе его почти невозможнымъ, такъ что Галицкая Русь съ большимъ трудомъ несетъ на себѣ тяжесть даже нынѣшней національной работы и должна разрѣшить цѣлый рядъ весьма сложныхъ политическихъ проблемъ, чтобы достигнуть свободы самоопредѣленія,—то въ Россіи, вообще говоря, дѣло находится въ обратномъ положеніи: украинская народность сдерживается въ своемъ развитіи *только* внѣшними стѣсненіями и воспрещеніями, при наличности всѣхъ условій и потребностей развитія.

Огромный край, обладающій въ общемъ очень хорошими физическими условіями, весьма значительными и неистощенными еще, хотя и нераціонально эксплуатируемыми природными богатствами, хорошею, а въ значительной части даже отличною почвою, богатыми мѣстороженіями цѣнныхъ минераловъ и металловъ, особенно желѣза и угля, большимъ асортиментомъ культурныхъ растений, возможностью различныхъ промысловъ, располагающій уже задатками значительнаго развитія фабричной и заводской промышленности *) и торговли, съ весьма важными транзитными путями и прилегающимъ моремъ,—Украина имѣетъ всѣ шансы матеріальнаго,

*) Достаточно напомнить, что въ послѣднее время Украина давала почти половину металла, добываемаго въ Россіи.

а затѣмъ и культурнаго развитія. Населеніе отличается большою физическою жизненностью, какъ показываетъ высокій процентъ прироста населенія и еще болѣе высокій процентъ рождаемости, обладаетъ большою экстенсивною энергіею и ассимилирующею силою массы. На свѣжей памяти исторіи въ сравнительно недавнее время, безъ всякой сторонней помощи, стихійною силою самого населенія была возобновлена или заново создана украинская колонизація огромныхъ пространствъ восточной и южной Украины и продолжаютъ создаваться новыя украинскія колоніи (укажу, напр., на украинскую колонизацію Уссурійскаго края), между тѣмъ какъ совершенно расплылись въ украинскомъ элементѣ искусственно введенныя въ довольно значительномъ количествѣ поселенія Сербовъ и Болгаръ въ Новороссіи *). Пущенное въ широкій оборотъ представленіе о врожденной неспособности украинскаго племени къ организаціи стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчій съ фактами исторіи, что же касается дарованій, то съ этой стороны относительно народности, давшей Гоголя, Шевченка и безконечный рядъ болѣе или менѣе яркихъ талантовъ въ разныхъ сферахъ культуры, не можетъ быть никакихъ сомнѣній.

При такихъ условіяхъ, занимая сплошную территорію, безъ чуждыхъ элементовъ, настолько значительныхъ, чтобы они могли нарушить національное единство территоріи, украинская народность имѣетъ все шансы для развитія выдающейся національной культуры. Значительную чуждую примѣсь составляютъ Евреи, но созданію національной культуры, конечно, они не представляютъ препятствія. Болѣе значенія могутъ имѣть Поляки, въ такъ называемыхъ юго-западныхъ губерніяхъ и сосѣднемъ Побужьѣ составляющіе высшіе, привилегированные классы, весьма влія-

*) Къ сожалѣнію, официальная статистика Россіи въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ обыкновенно не выдѣляетъ украинскую народность въ особую категорію (говоря все о «русскомъ» племени), и это сильно затрудняетъ наблюденія надъ украинскою колонизаціею.

тельные при полном отсутствіи украинской интеллигенціи и обладающіе огромною экономическою силою въ видѣ сосредоточеннаго въ ихъ рукахъ землевладѣнія. Но ихъ исключительная сила и преобладаніе держатся главнымъ образомъ условіями стараго режима Россіи, хотя послѣдній, повидимому, такъ горячо и ратоборствовалъ съ польскимъ элементомъ или воображалъ, что ратоборствуетъ.

Налетъ обрусенія, осѣвшій на интеллигентныхъ классахъ и городской буржуазіи Украины, не разорвалъ ихъ связи съ народными массами. Даже наиболѣе обрусѣвшіе, наиболѣе офиціозные представители ея не перестаютъ обыкновенно считать себя „тоже Малороссами“. Національныя манифестаціи — вродѣ открытія памятника Котляревскаго въ Полтавѣ въ 1903 году или юбилейныхъ торжествъ послѣдующихъ годовъ — находили въ средѣ этой, повидимому, вполне обрусѣвшей интеллигенціи живые и сочувственные отклики. То же самое нужно сказать о многочисленныхъ петиціяхъ, адресахъ, манифестаціяхъ послѣдняго года по вопросу о раскрѣпощеніи украинскаго слова. Если болѣе культурные классы находятся теперь подъ полнымъ вліяніемъ культуры великорусской, то это потому, что нѣтъ и не можетъ существовать въ нынѣшнихъ условіяхъ культуры украинской. Украинскій театръ долго являлся почти единственнымъ проявленіемъ ея, и его широкая и устойчивая популярность, несмотря на бѣдность репертуара (о причинахъ которой ниже) и другія неблагоприятныя условія и живое сочувствіе къ нему въ этихъ интеллигентныхъ и буржуазныхъ сферахъ является весьма краснорѣчивымъ симптомомъ. Мнѣ лично приходилось встрѣчать людей, вполне, повидимому, оторвавшихся отъ украинской народности и мало сознательныхъ, которые въ дорогѣ дѣлали большой кругъ, чтобы заѣхать въ городъ, гдѣ можно было попасть хоть на одинъ спектакль „къ Малороссамъ“. Украинская книга пользуется весьма значительнымъ спросомъ — хотя все еще является полузапретнымъ плодомъ. Кобзарь Шевченка, сочиненія Котляревскаго расходятся въ

сотняхъ тысячъ. Разрѣшенная цензурою въ 1898 году хрестоматія избранныхъ украинскихъ писателей „Викъ“—нѣкоторый суррогатъ исторіи литературы—разошлась въ нѣсколько мѣсяцевъ, несмотря на довольно высокую цѣну и значительную величину выпуска (нѣсколько тысячъ). Когда съ началомъ 1906 г. появилась первая ежедневная газета на украинскомъ языкѣ, розничная продажа ея въ нѣкоторыхъ городахъ сразу достигла нѣсколькихъ тысячъ экземпляровъ (пока—очень скоро, впрочемъ—не послѣдовало запрещенія ея) и т. п.

Все сказанное даетъ мнѣ право съ полнымъ убѣжденіемъ говорить, что съ прекращеніемъ внѣшнихъ стѣсненій украинская народность несомнѣнно вступитъ въ стадію широкаго національнаго развитія, подготовленнаго уже культурными успѣхами украинской національности въ Галиціи.

Всѣ стѣсненія, запрещенія, репрессіи, направленные противъ украинства, не убиваютъ, а только тормозятъ и отсрочиваютъ его развитіе, тормозя и задерживая вмѣстѣ съ тѣмъ свободное развитіе культурныхъ силъ тридцатимилліоннаго украинскаго населенія Россіи, съ огромнымъ ущербомъ для него, а съ тѣмъ, конечно, и для самого государства.

Отношеніе правительства Россіи къ украинской народности вообще было одною сплошною исторіей репрессій. Поставивъ своей цѣлью достиженіе внѣшняго единообразія вмѣсто внутренняго единодушія, по выраженію одного изъ современныхъ государственныхъ людей Россіи, оно съ энергіею и послѣдовательностью, достойными лучшихъ цѣлей, стремилось къ тому, чтобы сгладить, вытравить историческія формы украинской жизни и національныя особенности, ослабить все, что выдѣлялось сравнительно съ жизнью великорусскаго народа и общимъ тономъ отношеній имперіи.

Сначала оно направляетъ свою энергію на уничтоженіе политической особы и автономіи Украины, мѣстныхъ формъ политическихъ и общественныхъ отношеній и осуществляетъ

эти намеренія, не справляясь съ желаніями и стремленіями украинскаго общества и народа, не обращая вниманія на отчаянное сопротивленіе, глубокое неудовольствіе, не считаясь со своими обѣщаніями и обязательствами *). Затѣмъ оно стремится ввести ту же нивелляцію и въ культурную и въ духовную жизнь Украины, вытравить традиціи ея прошлой жизни и не только подчинить, но и вполнѣ ассимилировать ее великорусской культурѣ **). Языкъ—этотъ первый и самый важный показатель національной особности,—обращаетъ на себя главное вниманіе политиковъ нивелляціи, и уже въ первой четверти XVIII в. правительство ставитъ требованіе, чтобы въ украинской литературѣ „никакой розни и особаго нарѣчія не было“ ***). Подавивъ, дѣйствительно, всякую литературу на мѣстномъ языкѣ цензурными репрессіями въ XVIII в., правительственная политика становится въ XIX в. на той точкѣ зрѣнія, что украинскаго языка „не было, нѣтъ и быть не можетъ“, какъ выразился въ своемъ циркулярѣ министръ Валуевъ, солидаризуясь съ жалкими измышленіями, что украинскій языкъ представляетъ собою лишь искаженіе русскаго языка, „испорченный русскій языкъ“, и т. п. ****).

*) Исторія этой политики дана въ XX главѣ „Очерка исторіи украинскаго народа“.

***) См. главу XXII того же „Очерка“.

****) См. стр. —392 „Очерка“ (по второму изданію).

*****) Объ томъ циркулярѣ см. стр. 417—8 „Очерка“. Указывая на нежелательность украинскихъ книгъ для народа, министръ, со словъ кievскаго цензурнаго комитета, ссылается на мнѣнія «большинства Малороссовъ», якобы высказанныя въ печати: «они весьма основательно доказываютъ, что никакого малороссійскаго языка не было, нѣтъ и быть не можетъ, и что нарѣчіе ихъ, употребляемое простонародьемъ, есть тотъ же русскій языкъ, только испорченный вліяніемъ на него Польши; что общерусскій также понятенъ для Малороссіянъ и даже гораздо понятнѣе, чѣмъ теперь сочиняемый для нихъ нѣкоторыми Малороссіянами и въ особенности Поляками такъ называемый украинскій языкъ; лицъ того кружка, который усиливается доказывать противное, большинство самихъ Малороссовъ упрекаетъ въ сепаратистскихъ замыслахъ, враждебныхъ къ Россіи и гибельныхъ для Малороссіи». Нужно ли говорить, что это

Врожденное, совершенно естественное, стихийное стремление украинской народности къ проявленію своего національнаго содержанія представляется правительствомъ, со словъ охранительной печати, какъ искусственно привитые посторонними влияніями, враждебные государству, подлежащіе преслѣдованію и искорененію политическіе замыслы, результаты интриги польской, австрійской и Богъ знаетъ еще какой. „Сепаратизмъ“ становится страшнымъ крикомъ, вѣщающимъ всевозможныя бѣды, и подъ понятіе его подводятся самыя невинныя проявленія любви къ родному краю и народу, его языку и прошлому *). И, усердно создавая своими репрессіями всѣ поводы для неудовольствія, для „сепаратизма“, съ другой стороны во имя призрака этого сепаратизма лишали огромное украинское населеніе имперіи самыхъ элементарныхъ образовательныхъ средствъ, удовлетворенія первѣйшихъ потребностей духовной жизни человѣка—употребленія родного языка и творчества на немъ.

Невозможность осуществить въ дѣйствительности смертный приговоръ, произнесенный украинскому слову въ Россіи, однако не могла не быть замѣчаема руководителями внутренней политики. Огромность насилия, которое должно было быть произведено для этой цѣли надъ десятками милліоновъ украинской народности, не могла не смущать ихъ, тѣмъ болѣе, что апокрифичность мнѣній „большинства Малороссовъ“, на которыя дѣлались ссылки въ подлежащихъ случаяхъ, не могла

«большинство Малороссовъ» въ дѣйствительности никѣмъ никогда не было опрошено и никогда не высказывалось въ этомъ смыслѣ? Наоборотъ, опросы и анкеты по этому вопросу, гдѣ они производились, какъ увидимъ еще, давали совершенно противоположные результаты.

*) Уже въ 1850-хъ гг. существовало распоряженіе, требовавшее отъ цензуры строжайшаго отношенія ко всему связанному съ украинскимъ языкомъ и народностью. «не давалъ перевѣса любви къ родинѣ надъ любовью къ отечеству», и цензура вычеркивала изъ историческихъ памятниковъ мѣста, въ которыхъ усматривала «пристрастіе къ малороссійской народности». Такъ было изувѣчено цензурою въ 1853 г. изданіе лѣтописи Грабянки (Цензура въ царствованіе имп. Николая—Рус. Старина, 1904, II, с. 441—2).

быть для нихъ тайною. Стихійная привязанность украинскаго населенія къ особенностямъ своей жизни и своему языку, сдѣлавшаяся общимъ мѣстомъ въ литературѣ, была извѣстна и имъ. Поэтому мы замѣчаемъ извѣстныя колебанія, характеристическую половинчатость въ осуществленіи правительственной программы по отношенію къ украинской народности. Она колеблется между принципами полнаго отрицанія украинскаго языка и признанія украинскаго языка и украинской народности въ качествѣ этнографическаго провинціонализма, въ извѣстныхъ тѣсныхъ границахъ. Противъ стремленій Украинцевъ къ созданію національной культуры въ полномъ значеніи этого слова выдвигаются соображенія, что украинская народность можетъ оставаться въ чисто-этнографическихъ своихъ проявленіяхъ, что украинскій языкъ можетъ оставаться въ сферѣ „домашняго употребленія“, для потребностей людей, не усвоившихъ великорусскаго языка, но служить для удовлетворенія высшихъ культурныхъ потребностей, быть языкомъ интеллигентнаго класса, литературы, науки — долженъ только языкъ великорусскій, или, какъ совершенно неосновательно его называютъ при этомъ, — языкъ общерусскій *). Этими аргументами, которые съ голоса офиціозной печати иногда повторяются и разными „умѣренными“ людьми украинскаго происхожденія, мотивировались и по нынѣшній день мотивируются остающіяся по большей части въ силѣ запрещенія научныхъ книгъ и научныхъ чтеній на украинскомъ языкѣ, переводной литературы и даже сцени-

*) На полную неосновательность этого ходячаго термина указала вполне опредѣленно въ своей недавней запискѣ петербургская академія наукъ. «Нашу литературную рѣчь, рѣчь образованныхъ классовъ и письменности всѣхъ родовъ, должно назвать вполне великорусскою», говоритъ она. «Основаній назвать теперь эту рѣчь общерусскою мы не видимъ, ибо она не представляетъ изъ себя амальгамы, въ которой бы, хотя и неравномѣрно, отразились особенности всѣхъ живыхъ русскихъ нарѣчій». Императорская академія наукъ „Объ отнѣнѣ стѣсненій украинскаго слова“, офиціальное изданіе (1905, стр. 15).

ческих и беллетристических произведений, где выводятся люди образованного класса, также воспрещение къ обращенію въ Россіи научныхъ и беллетристическихъ сочиненій, выходящихъ за границу (въ Галиціи главнымъ образомъ).

Но, стремясь сохранить роль культурнаго языка исключительно за языкомъ великорусскимъ, эта національная политика съ другой стороны не рѣшается разрѣшить украинскій языкъ къ свободному обращенію и въ средѣ „домашняго употребленія“, низшей, такъ сказать, культуры, допустить его въ начальную школу, въ церковную проповѣдь, въ популярную беллетристическую и научную литературу. Тутъ, очевидно, дѣйствуетъ сознаніе стихійной силы украинства и пугаетъ рѣшающія сферы: является соображеніе, что, пока украинская книжка обращается въ тѣсномъ кругу интеллигенціи, она не представляетъ ничего серьезнаго, но если она войдетъ въ крестьянскую среду, если послѣдняя, воспитавшись на украинскомъ словѣ, найдетъ въ немъ свой органъ культурнаго развитія, то она со стихійною силою шагъ за шагомъ раздвинетъ всѣ границы, какія будутъ поставлены правительствомъ украинскому слову *). Представлялась страшная для централистической политики бюрократіи перспектива культурнаго обособленія громаднаго народа, который въ официальныхъ сферахъ все еще упорно включается въ понятіе „русскаго“ и служить строительнымъ матеріаломъ для великорусской культуры и государственности. Эти соображенія заставляли преграждать украинскому слову пути „въ народъ“ такъ же старательно, какъ и въ сферу „высшей культуры“.

Но съ другой стороны и на полную проскрипцію украинскаго слова (которая собственно соответствовала ихъ планамъ) правительственныя сферы не рѣшаются, боясь слишкомъ обострить вопросъ. Отсюда эта непоследовательность, полумѣры, единственная цѣль которыхъ—всячески задерживать, во что бы то ни стало, развитіе украинской литературы

*) Эта мысль была развита особенно опредѣленно (изъ доступныхъ намъ документовъ) въ запискѣ генералъ-губернатора кн. Дондукова-Корсакова.

и національности, не давая ей выйти изъ стадіи прозябанія. Такой смыслъ имѣеть эта неопредѣленность цензурной и административной практики, гдѣ никогда не знаютъ напередъ, что будетъ дозволено и что запрещено, эта система „исключеній“ и передышекъ между обостреніями запретительныхъ мѣръ и рядомъ съ ними негласныя преслѣдованія всего и всѣхъ, что заявляетъ чѣмъ нибудь свое сочувствіе къ украинству. Эти средства дѣйствительно оказываютъ свое вліяніе, задерживая до нѣкоторой степени развитіе украинства, но одновременно приводятъ къ обостренію отношеній, а съ другой стороны чрезвычайно тяжело отзываются на культурномъ и экономическомъ положеніи народныхъ массъ, лишенныхъ всякихъ средствъ развитія, благодаря запрещеніямъ, лежащимъ на украинскомъ словѣ.

Циркуляръ 1863 г. и подтвердившій и развившій его указъ 1876 г. преграждали дорогу украинскому слову въ сферу и высшей и низшей культуры *); смягченные затѣмъ нѣсколько распоряженіемъ 1881 г., они допускали ее въ

*) „Очеркъ“, гл. XXIII. Такъ какъ упомянутый указъ 1876 г. не утратилъ дѣйствующей силы до сихъ поръ, небезынтересно будетъ привести его цѣликомъ.

„Государь Императоръ 18 мнѣшаго мая Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ:

1. Не допускать ввоза въ предѣлы Имперіи безъ особаго разрѣшенія главнаго управленія по дѣламъ печати какихъ бы то ни было книгъ и брошюръ, издаваемыхъ на малоросійскомъ нарѣчій.

2. Печатаніе и изданіе въ Имперіи оригинальныхъ произведеній и переводовъ на томъ же нарѣчій воспретить, за исключеніемъ лишь:

- а) историческихъ документовъ и памятниконъ,
- б) произведеній изящной словесности.

Но съ тѣмъ, чтобы при печатаніи историческихъ памятниконъ безусловно удерживалось правоисаніе подлинниконъ, въ произведеніяхъ же изящной словесности не было допускаемо никакихъ отступленій отъ общепринятаго русскаго правоисанія и чтобы разрѣшеніе на печатаніе произведеній русскаго словесности давалось не иначе, какъ по разсмотрѣніи въ главномъ управленіи по дѣламъ печати,—и

3. Воспретить различныя сценическія представленія и чтенія на малорусскомъ языкѣ, а равно и печатаніе на такомъ же текстонъ къ музыкальнымъ нотамъ.“

сферѣ беллетристики и сценическихъ представленій, т. е. въ сферѣ, считавшейся наименѣе серьезной и опасной, по и здѣсь къ ней примѣнялся рядъ ограниченій, исключавшихъ ее изъ общихъ цензурныхъ нормъ и требовавшихъ по отношенію къ украинскимъ пьесамъ и произведеніямъ печати особой строгости, вплоть до предложенія цензурѣ „сокращать въ дѣляхъ чисто государственныхъ“ число украинскихъ произведеній даже независимо отъ ихъ содержанія *). По отношенію къ украинскимъ произведеніямъ введена была двойная цензура—кромѣ цензурныхъ комитетовъ еще вторичная цензура въ главномъ управленіи по дѣламъ печати, а цензурная практика развивалась въ направленіяхъ, указанныхъ упомянутыми распоряженіями: не дать возможности развиваться украинскому языку до степени органа высшей культуры, всячески сузить сферу его существованія и свести до минимума вообще количество украинскихъ книгъ.

Въ духѣ этихъ тенденцій протекали періоды совершеннаго воспрещенія украинскаго слова, довольно продолжительные, длившіеся по нѣскольку лѣтъ, когда не пропускалось вовсе ничего на украинскомъ языкѣ, или почти ничего—такъ наз. антракты украинскаго слова, въ 1864—1870 и 1876—1880 гг. Затѣмъ снявъ безусловное воспрещеніе, цензурная практика въ 1880—90 гг. обставляла украинскія произведенія, даже и беллетристическія, рядомъ ограниченій.

Запрещались произведенія изъ жизни интеллигенціи и театральныя пьесы такъ наз. сюртучныя, гдѣ выступали представители интеллигенціи: этимъ имѣли въ виду задержать украинскій языкъ въ положеніи полу-этнографическаго явленія, рисующаго быть лишь простого народа, а не культурнаго органа. Такой же характеръ имѣло гоненіе

*) Предложеніе петербургскому цензурному комитету 1892 г. Ср. циркуляръ начальника губерній 1884 г., внушавшій имъ бдительное наблюденіе и всяческую осторожность при разрѣшеніи украинскихъ спектаклей Записка академіи наукъ.

на „неологизмы“, нарушающіе, дескать, чистоту народнаго языка и вводящіе новыя, культурныя понятія въ языкъ: цензура по этимъ филологическимъ соображеніямъ также запрещала украинскія произведенія. Въ 1895 г. главное управленіе по дѣламъ печати предложило цензурнымъ комитетамъ не дозволить къ печати книгъ и сборниковъ на украинскомъ языкѣ, предназначенныхъ для дѣтскаго чтенія, „хотя бы по существу содержанія они и представлялись благонамѣренными“ *).

Запрещались пьесы и произведенія печати съ соціальною подкладкою, сочиненія съ содержаніемъ національно-патріотическимъ и историческимъ. Цензура вычеркивала даже такія слова, какъ: Україна, Січ, козак, или запрещала произведенія, говорившія о такихъ сюжетахъ. Долго не пропускались сборники и альманахи, составлявшіеся какъ суррогатъ украинскаго журнала: цензура не хотѣла допускать этого суррогата, въ виду того, что изданіе газетъ и журналовъ на украинскомъ языкѣ не допускалось (о нихъ законъ 1876 г., положимъ, ничего не говорилъ, но на практикѣ исходили изъ того же принципа: не допустить украинскаго языка до значенія культурнаго органа). Не допускались переводы беллетристическихъ произведеній и стихотвореній съ другихъ языковъ на украинскій.

Наконецъ не допускались болѣе значительныя произведенія, просто потому, что они уже по своимъ размѢрамъ являлись бы слишкомъ виднымъ приобрѣтеніемъ для осужденной „на небытіе“ украинской литературы.

Благодаря избирѣтельности цензуры въ усматриваніи „малѣйшихъ поводовъ“ къ запрещенію—то усиливавшейся, то ослабѣвавшей соотвѣтственно указаніямъ свыше, цензура для украинскихъ книгъ временами становилась настоящею лотереєю: одно и то же произведеніе въ одномъ случаѣ запрещалось, въ другомъ—предложенное снова, подъ другимъ

*) См. Записку академіи наукъ, с. 88.

заглавіемъ—разрѣшалось, и наоборотъ—произведенія, уже разрѣшенныя, запрещались для новаго изданія. Но въ общемъ только небольшая часть произведеній проходила черезъ цензуру, и то сильно изувѣченною, часто—такъ сильно, что не оставалось возможности издать такое разрѣшенное произведеніе. Такъ, напр., изъ 230 рукописей, поданныхъ въ цензуру украинскимъ издательскимъ кружкомъ въ Кіевѣ въ 1895—1904 гг., т. е. годахъ, далеко не худшихъ въ цензурномъ отношеніи, только 80 вышли изъ цензуры въ настолько благополучномъ видѣ, что ихъ, хотя и съ изъянiami, еще можно было предать тисненію. А вѣдь кіевское книгоиздательство, конечно, воздерживалось отъ напрасныхъ тратъ на подачу въ цензуру завѣдомо „безнадежныхъ“ произведеній, и упомянутые годы, повторяю, принадлежали къ сравнительно либеральнымъ въ отношеніи украинской цензуры.

При этомъ нужно еще имѣть въ виду, что въ цензурѣ погибали обыкновенно наиболѣе серьезныя и цѣнныя произведенія, затрагивавшія и освѣщавшія наиболѣе важные вопросы украинской жизни. Между тѣмъ разный литературный и нелитературный соръ пропускался свободно, какъ бы намѣренно, чтобы понизить культурную цѣнность украинской литературы и дискредитировать ее въ глазахъ интеллигенціи—своей и чужой.

Спеціальную сферу для всякаго рода стѣсненій и отягощеній создавалъ параграфъ закона 1876 г., постановлявшій, что въ украинскихъ произведеніяхъ „не должно быть допускаемо никакихъ отступленій отъ общепринятаго русскаго правописанія“. Этимъ запрещено было принятое въ украинской литературѣ правописаніе, нѣсколько отличавшееся отъ великорусскаго, и украинскіе писатели съ тѣхъ поръ принуждены были придерживаться правописанія „общерусскаго“, т. е. великорусскаго. Но такъ какъ само по себѣ требованіе — придерживаться въ произведеніяхъ, писанныхъ на одномъ языкѣ, правописанія другого языка является не только съ научной, филологической, но и съ чисто-практической точки зрѣнія совершенно неисполнимымъ абсур-

домъ *), то не только авторы, но и сами цензора, конечно, не могли себѣ уяснить, какъ собственно должно выглядѣть украинское слово въ оболочкѣ великорусскаго правописанія. Поэтому употребительное примѣчаніе, присоединявшееся къ резолюціямъ о разрѣшеніи книги: „дозволяется къ печати, съ тѣмъ чтобы при печатаніи были соблюдены правила русскаго правописанія“, какъ требованіе неисполнимое, давало цензору возможность не выпустить въ свѣтъ даже книги, дозволенной уже цензурою.

Съ цензурными препятствіями встрѣчался — уже безъ всякаго основанія въ законѣ 1876 г.—также и выпускъ всякаго рода изданій, посвященныхъ Украинѣ, на языкѣ великорусскомъ. И здѣсь исключались украинскія выраженія, діалоги, и къ самому содержанію — къ историческимъ соображеніямъ и къ сужденіямъ о современныхъ отношеніяхъ, прилагались весьма придирчивыя требованія. Для характеристики можетъ послужить такой фактъ: въ 1887 г. „Опытъ грамматики малорусскаго языка“ одного изъ кievскихъ ученыхъ былъ возвращенъ цензурою автору даже безъ просмотра, на томъ основаніи, что „нельзя же разрѣшать къ

*) Позволю себѣ привести взглядъ по этому вопросу, выраженный въ запискѣ петербургской академіи наукъ — т. е. лицами, достаточно авторитетными и свободными отъ всякаго «укинофильскаго увлеченія». «Навязываніе языку несвойственнаго ему правописанія самымъ невыгоднымъ образомъ отзывается на книжной производствѣ; такое правописаніе задерживаетъ выходъ книги и ложится поэтому на свободную мысль, свободное творчество болѣе тяжельмъ гнетомъ, чѣмъ всякія цензурныя стѣсненія. Мы далеки отъ мысли приписывать составителямъ проекта высочайшаго повелѣнія 1876 года жестокое желаніе посредствомъ узаконеннаго имъ правописанія задержать развитіе даже изящной словесности малорусской (ибо задержать «вредныя направленія» въ относящихся сюда произведеніяхъ предположено правиломъ о томъ, «чтобы разрѣшеніе на печатаніе произведенія изящной словесности давалось не иначе какъ по разсмотрѣніи рукописей въ главномъ управленіи по дѣламъ печати»); по этому самому мы склонны думать, что ими руководила мысль сблизить посредствомъ правописанія малорусскій языкъ съ русскимъ. Странное заблужденіе. Прежде всего, что раз-

печати грамматику того языка, который обреченъ на небытіе“.

Этотъ отвѣтъ одного изъ исполнителей правительственной программы вскрываетъ передъ нами съ полною опредѣленностью руководящую идею ея въ отношеніи къ украинскому языку и вообще украинству. Украинскій языкъ былъ „обреченъ на небытіе“, украинская народность — на вымираніе въ качествѣ народности и на приобщеніе къ народности великорусской путемъ школы и культуры. Но эта программа въ приложеніи къ такой большой и старой народности, какъ украинская, является неосуществимою даже для наиболѣ налаженнаго и энергичнаго государственнаго механизма. Репрессіи, пущенныя въ ходъ по отношенію къ украинскому слову въ Россіи, имѣли результатомъ лишь перенесеніе центра тяжести украинской національной работы въ сосѣднюю Галицію, и здѣсь, вмѣ всякой необходимости сообразоваться съ видами и теченіями правительственной политики, въ продолженіе послѣднихъ десятилѣтій работала украинская національная мысль надъ разработкою тѣхъ социальныхъ, политическихъ и национальных проблемъ, которыя

умѣтъ подѣ требованіемъ придерживаться общепринятаго русскаго правописанія? Если понимать требованіе закона 1876 года такъ, что, напр., малорусскія слова: віра, дід, місто—должны явиться въ великорусской оболочкѣ: вѣра, дѣдъ, мѣсто, т. е. чтобы звукъ *і* изображался буквой *ѣ*, спрашивается, что помѣшаетъ Малороссу изображать черезъ букву *ѣ* звукъ *і* также, напр., въ словахъ: лід или ніс?—и ихъ онъ напишетъ лѣдъ, нѣсь. Выиграетъ ли отъ этого дѣло сближенія съ великорусскимъ языкомъ, гдѣ эти слова звучатъ лѣдъ, нѣсь? Если, вслѣдствіе навязаннаго ему правописанія, Малороссъ долженъ написать мыло съ *ѣ*, а мило съ *и*, гдѣ найдется тотъ корректоръ, тотъ ученый справщикъ, который въ малорусскомъ звукѣ сумѣетъ для каждаго случая различить два разныхъ звука, совпавшихъ въ одномъ едва ли еще не въ эпоху до-татарскую? И объ этомъ смѣшеніи *ѣ* и *и* громко будутъ свидѣтельствовать прежде всего тѣ историческіе малорусскіе документы, при печатаніи которыхъ законъ требуетъ «безусловно» удерживать правописаніе подлинниковъ, не подиовляя его, очевидно, и въ направленіи къ общепринятому русскому правописанію» (с. 24).

сдѣлались запретными для нея въ Россіи, надъ созданіемъ тѣхъ орудій высшей и низшей національной культуры, которыя хотѣла сдѣлать недоступными для украинства упомянутая политика *). Безпощадная война, объявленная украинству правительственными сферами Россіи и не оставлявшая мѣста никакимъ компромиссамъ, никакому оппортунизму, имѣла лишь тотъ результатъ, что руководящія идеи украинства вырабатывались въ рѣзкой оппозиціи бюрократическому абсолютистически-централистическому старому режиму Россіи.

Единственно, что этотъ режимъ могъ противопоставить такому обороту вещей, были опять таки запретительныя мѣры по отношенію ко всякаго рода украинскимъ изданіямъ, выходившимъ въ Галиціи, и онъ дѣйствительно дѣлалъ очень энергическія усилія въ этомъ направленіи. Не только публицистическимъ произведеніямъ, политическимъ газетамъ, но и беллетристичѣ, сочиненіямъ научнымъ, даже—сборникамъ историческихъ документовъ и этнографическихъ текстовъ, только потому, что они имѣютъ украинскую обертку,—закрывать доступъ въ Россію. Ученыя изданія Наукового Товариства ім. Шевченка, его сборники историческихъ, филологическихъ, естественно-историческихъ и математическихъ работъ до самаго недавняго времени принадлежали къ числу „безусловно воспрещенныхъ въ Россіи“ **). Ходатайство редакціи дѣтскаго журнала „Дзвінокъ“ о допущеніи въ Россію было въ свое время отклонено „по политическимъ причинамъ“, а популярныя брошюры галицкой печати о разведеніи домашней птицы или удобреніи почвы, обнаруженныя при случаѣ у россійско-подданныхъ лицъ, еще не такъ давно подводились подъ весьма серьезные параграфы о держаніи запрещенныхъ сочиненій.

*) Объ этомъ въ гл. XXIV „Очерка“.

**) «Записки Наукового товариства ім. Шевченка» въ качествѣ журнала получили доступъ въ Россію согласно послѣднимъ правиламъ о допущеніи заграничныхъ періодическихъ изданій, но непрерывическія галицкія изданія, научныя и литературныя, остаются воспрещенными.

Но всё эти запретительныя и карательныя мѣры только отчасти могли достигать своей цѣли. Несмотря на всё мѣры предупрежденія и пресѣченія, заграничныя изданія въ Россію, конечно, проникали. Идеи, двигавшія національнымъ движеніемъ Галиціи, не нуждаясь въ пропускномъ билетѣ и не подпадая таможенному досмотру, распространялись въ украинскомъ обществѣ Россіи, уяснявшемъ свои жизненныя задачи параллельно съ національнымъ движеніемъ австрійской Украины...

Но, не достигая своей цѣли—воспрепятствовать развитію украинскаго языка, какъ языка культурнаго, а украинской народности помѣшать въ ея національномъ самоопредѣленіи,—эти запретительныя и карательныя мѣры причинили неоцѣнимый вредъ украинской народности вообще, а въ частности—украинскому населенію Россіи. „Конечно, работа хотя бы и для небольшого уголка родной земли, какимъ являются Галиція и Буковина, даетъ нѣкоторое нравственное удовлетвореніе украинскимъ дѣятелямъ; но оно ничтожно по сравненію съ тѣмъ чувствомъ невыразимой боли, которое охватываетъ ихъ при взглядѣ на положеніе родного народа здѣсь дома. Они видѣли, что народъ лишенъ единственно возможнаго для него средства просвѣщенія—школы и книги на родномъ языкѣ; они были свидѣтелями того безпощаднаго процесса, который все болѣе и болѣе погружалъ населеніе родной страны въ безпросвѣтный мракъ невѣжества. Духовныя творческія силы народа замирали; падала его культура, онъ являлся безсильнымъ въ борьбѣ съ неблагоприятными соціальными и экономическими условіями, доведшими его положеніе до полной безысходности. Все это совершалось на глазахъ украинскихъ дѣятелей, но руки ихъ были связаны, уста наглухо закрыты; у нихъ отнято было право и возможность научить народъ родной грамотѣ, разъяснить ему его положеніе, указать ему пути къ дальнѣйшему развитію. Оставаясь физически на родинѣ, прикованные къ ней всѣми своими чувствами, помыслами и интересами, они духовно были изгнаны изъ нея и должны были жить среди родноб

народа безправными изгнанниками, нѣмыми свидѣтелями совершающагося“...

Эти слова недавней записки „О нуждахъ украинской печати“ *) характеризуютъ положеніе украинскаго общества очень хорошо. Ни сведенная цензурными запрещеніями до ничтожнѣйшихъ размѣровъ, до жалкихъ обрѣзковъ украинская литература Россіи, ни заграничная, только контрабандой проникавшая въ Россію, конечно, не могли удовлетворить культурнымъ запросамъ многомилліоннаго украинскаго населенія Россіи. Сорокъ лѣтъ, отдѣляющихъ насъ отъ перваго запрещенія украинскаго слова въ Россіи—1863 г., вычеркнуто этими запрещеніями изъ жизни украинской народности, и какихъ лѣтъ! лучшаго періода—пробужденной общественной мысли, національнаго возрожденія, исканія новыхъ формъ общественныхъ и культурныхъ отношеній! Легко произнести эти сорокъ лѣтъ, но ужасъ обнимаетъ душу, когда вдумаешься во всю великость и невознаградивость ущерба, причиненнаго народу. Поколѣнія людей рождались и умирали съ печатью на устахъ, лишеныя возможности пользоваться даромъ, отличающимъ человѣка отъ животнаго—своимъ словомъ, своей природной рѣчью, т. е. единственнымъ точнымъ и свободнымъ орудіемъ выраженія своей мысли, въ переводѣ на чужой языкъ являющейся только болѣе или менѣе отдаленною копіею мысли дѣйствительной. Жили и умирали, лишеныя возможности того несравненнаго удовольствія внутренняго общенія и проникновенія въ мысли своихъ соотчичей, которое даетъ только родной языкъ; лишеныя возможности творить на своемъ языкѣ; лишеныя, наконецъ, возможности, обсуждать наиболѣе жизненные вопросы своего края и общества, двигать его къ разрѣшенію этихъ вопросовъ и содѣйствовать улучшенію культурныхъ и общественныхъ отношеній въ наиболѣе близкой имъ средѣ.

„Слова истины, красоты и любви должны выливаться истинно и потому свободно: только при этомъ условіи

*) Перепечатана въ «Кіевской Старинѣ» 1905, IV, с. 105.

заставилъ меня сдѣлаться беллетристомъ. Подвергнувъ себя такой ломкѣ, я все же не получилъ удовлетворенія служить тому, кому я могъ и хотѣлъ служить моимъ литературнымъ трудомъ. Ни одна изъ моихъ повѣстей не была допущена цензурою, хотя въ нихъ и не было ничего противозаконнаго. Я вынужденъ былъ издать ихъ въ Галиціи, ограничивая кругъ моихъ читателей до $\frac{1}{5}$ его естественнаго размѣра. Къ тому же этотъ искусственно сжатый кругъ ихъ живетъ уже въ другой средѣ и обстановкѣ, чѣмъ тѣ, которыя мною описаны. Для нихъ содержаніе моихъ повѣстей не можетъ быть уже такъ близко, какъ было бы оно близко моимъ соотечественникамъ, живущимъ въ Россіи“ *).

Такъ пишетъ представитель высшихъ, обрусѣвшихъ классовъ украинскаго общества, прошедшій великорусскую школу—отъ низшей до высшей, и не находящій приложения для своихъ общественныхъ и національныхъ стремленій при современномъ положеніи украинства въ Россіи. Подъ его словами подписался бы и я—также прошедшій великорусскую школу, написавшій по-великорусски нѣсколько довольно объемистыхъ книгъ, но и до сихъ поръ принужденный напрягать до крайности свои мыслительныя способности, чтобы выразить сколько нибудь точно и правильно свою мысль, когда обстоятельства заставляютъ меня писать по-великорусски. Подписалось бы, вѣроятно, много и много другихъ,—тѣхъ, которые переносили свою дѣятельность за границу или и вовсе уходили изъ Россіи, чтобы сохранить свободу мысли и слова, возможность работать безъ стѣсненій для своей національности; и тѣ, которые обращались къ великорусскому языку, за невозможностью пользоваться своимъ роднымъ; и тѣ, которые замолкали вовсе, встрѣтившись съ цензурными запрещеніями, или годами, всю жизнь писали лишь „для себя“, „для своихъ дѣтей“, лишенные надежды увидѣть свои произведенія въ печати, подѣлиться своими мыслями, своимъ творчествомъ съ соотчичами.

*) Письмо В. Н. Леонтовича—напечатано при Запискѣ академіи наукъ (с. 84).

они будутъ способны разбудить въ читателѣ тѣ чувства и мысли, какими былъ охваченъ самъ писатель. И это невѣрно, будто въ школѣ могутъ дать человѣку другой родной языкъ. Школа можетъ вытравить въ человѣкѣ знаніе его родного языка, но никогда языкъ школы не сдѣлается для него такъ близокъ, какъ былъ близокъ утраченный. Никогда мысль такого человѣка не вылетитъ у него такъ легко, такъ красиво и искренно на школьномъ, выученномъ языкѣ "... „Огромное большинство самыхъ яркихъ впечатлѣній дѣтства и юности запечатлѣлись въ моемъ мозгу въ малорусскихъ образахъ, съ малорусскою рѣчью; по всему этому я и теперь, когда хочу и могу сказать что либо достойное того, чтобы рѣшиться предложить его читателю, не могу сдѣлать этого иначе, какъ малорусскою рѣчью. Мнѣ омерзительно было бы сводить свою роль, какъ писателя, на роль болтуна, зарабатывающаго деньги мертвеннымъ пустословіемъ, и вотъ почему я не могу писать по-русски. По-русски у меня все выходитъ мертвенно, блѣдно, несодержательно, даже неграмотно. Сознаніе это гнететъ меня, я чувствую, что я не вправѣ злоупотреблять вниманіемъ читателя и не вправѣ замусоривать своею неправильною русскою рѣчью богатый и выработанный русскій литературный языкъ! Къ тому же всѣ мои воспоминанія, весь мой опытъ сложились, главнымъ образомъ, среди Малороссовъ. Я знаю, чего имъ недостаетъ, знаю, чего они не знаютъ, что и какъ имъ нужно сказать; я знаю, что здѣсь, и только здѣсь, мое слово и нужно, и, можетъ быть, полезно! За что же отымать у меня величайшее на землѣ счастье работою своего ума и сердца служить моему ближнему? За что же и у Малоросса читателя отнимать возможность узнать отъ меня то, что я могу сказать ему?!“

„На себѣ, какъ на частномъ примѣрѣ, который, конечно, можетъ дать только частичное отраженіе изображаемаго явленія, я приведу образецъ того, что дѣлаетъ законъ 1876 года съ развитіемъ способностей писателя. По природѣ я не беллетристъ, но законъ, отымая у меня право писать что бы то ни было серьезнаго содержанія на моемъ языкѣ,

Ни одна, вѣроятно, литература не имѣетъ такого мартиролога талантливыхъ беллетристовъ, поэтовъ, писавшихъ безъ возможности увидѣть свои произведенія въ печати или безъ возможности получить свои сочиненія, изданныя въ заграничныхъ, „абсолютно воспрещенныхъ изданіяхъ“. Одни такъ и прожили всю свою жизнь безъ возможности издавать свои произведенія (талантливые поэты Руданський, Мова, беллетристъ Свидницький и многіе другіе), другіе замолкали вовсе на цѣлые года цензурныхъ гоненій и возвращались къ творчеству только при нѣкоторыхъ облегченіяхъ цензуры (какъ талантливые поэты Глѣбів и Щоголів).

Но въ то время, какъ одни переносили свою дѣятельность за границу, другіе замолкали вовсе или, идя „въ сторону наименьшаго сопротивленія“, подавляли свои общественные интересы и обращались къ „безобиднымъ“ занятіямъ лингвистикою, археологіею, нумизматикою, археографіею и т. п., — значительная часть украинскаго общества, находя прегражденными всѣ пути къ дѣятельности на пользу своего народа, бросались въ борьбу съ режимомъ, создававшимъ эти трудности. Они охладѣвали къ національному вопросу, считая въ данныхъ условіяхъ украинофильство дѣтскою забавою, а всѣ попытки легальной дѣятельности — пародіею дѣятельности, и становились въ первые ряды движеній, стремившихся разрушить самый государственный строй, создававшій тѣ отношенія, которыя ихъ окружали. Нужно ли напоминать безконечные ряды украинскихъ именъ, нашедшихъ свое мѣсто въ революціонныхъ и террористическихъ движеніяхъ, начиная съ 1860-хъ годовъ и кончая вчерашнимъ днемъ? Нужно ли перечислять людей, игравшихъ первыя роли въ этихъ движеніяхъ? Сила, у которой отнимаютъ возможность быть созидательною, неизбѣжно превратится въ разрушительную. Ибо сила не погибаетъ...

Борьба съ украинскимъ языкомъ не ограничивалась сферою печатнаго слова или сценическихъ представленій. Онъ стѣснялся и даже преслѣдовался въ устномъ употребленіи. Разговора по-украински въ общественномъ мѣстѣ бывало

достаточно, чтобы навлечь серьезные неприятности на человека, испортить ему жизнь ярлыкомъ „сепаратиста“, и т. п. Всякіе намеки на національную манифестацію обставлялись строжайшими воспрещеніями. Украинскій театр на многие годы потерялъ доступъ въ предѣлы кіевскаго генералъ-губернаторства (къ которому кромѣ губерній: Кіевской, Подольской и Волынской принадлежали тогда также губерніи Черниговская и Полтавская), благодаря совершенно невинной оваціи, устроенной молодежью артистамъ украинской труппы. Въ Кіевѣ долгое время нельзя было устроить публичной панихиды въ годовщину смерти Шевченка и помѣстить о ней извѣщеніе въ газетахъ. Когда на археологическій съездъ 1899 г., происходившій въ Кіевѣ, предложили свои рефераты по разнымъ вопросамъ археологии и исторіи также украинскіе ученые изъ Галиціи, и предварительный комитетъ, допустивъ рефераты на всѣхъ славянскихъ языкахъ, призналъ возможнымъ допустить чтеніе рефератовъ и на украинскомъ языкѣ, то министерство внутреннихъ дѣлъ воспротивилось этому и запретило чтеніе рефератовъ, писанныхъ на украинскомъ языкѣ. Хотя въ послѣднюю минуту министерство народнаго просвѣщенія нѣсколько смягчило это запрещеніе, разрѣшивъ чтеніе украинскихъ рефератовъ не въ публичныхъ, а закрытыхъ засѣданійхъ, въ присутствіи не болѣе 25 членовъ съезда, но, конечно, въ такихъ условіяхъ галицкіе ученые не нашли возможнымъ читать свои рефераты *). Четыре года спустя, при открытіи въ Полтавѣ памятника родоначальнику возрожденной украинской литературы, Ивану Котляревскому, въ торжественномъ засѣданіи, устроенномъ городскою думою, губернаторъ, придерживаясь полученныхъ инструкцій, не разрѣшилъ читать привѣтственныхъ адресовъ на украинскомъ

*) На послѣдующіе археологическіе съезды—въ Харьковѣ (1902) и Екатеринославѣ (1905), посвященные также главнымъ образомъ украинской археологии, исторіи и этнографіи, украинскимъ ученымъ и обществамъ Галиціи вовсе не посылались приглашенія, чтобы не возбуждать вопроса объ украинскомъ языкѣ рефератовъ.

языкъ и произносить рѣчи на этомъ языкѣ, за исключеніемъ делегатовъ изъ Галичины; это имѣло слѣдствіемъ сецессію всѣхъ прочихъ делегаций и протесты городского управления, и т. п.

Въ Галиціи и Буковинѣ украинскій языкъ употребляется, какъ языкъ преподаванія во всякаго рода учебныхъ заведеніяхъ, отъ начальныхъ школъ до университетовъ; въ Россіи онъ изгнанъ изъ школы совершенно и не допускается ни какъ преподавательскій языкъ, ни какъ предметъ преподаванія ни въ какихъ школахъ—государственныхъ, общественныхъ, частныхъ, высшихъ, среднихъ, низшихъ—даже какъ вспомогательное средство при начальномъ обученіи. Украинскій языкъ и литература не входятъ также и въ программу преподаванія „русскаго языка и литературы“ среднихъ школъ, въ курсы этихъ предметовъ въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, хотя украинскій языкъ официально считается „нарѣчіемъ русскаго языка“, а украинская литература—провинціализмомъ „общерусской“. На этомъ основаніи она не включается также и въ курсы славянскихъ языковъ и славянскихъ литературъ. Такимъ образомъ, не допускаемая ни въ качествѣ самостоятельныхъ предметовъ, ни въ качествѣ составныхъ частей другихъ наукъ, украинскія дисциплины остаются въ концѣ концовъ внѣ научнаго обихода, внѣ изученія и изслѣдованія *). И съ этой стороны

*) Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ одинъ изъ выдающихся представителей тогдашней великорусской науки М. П. Погодинъ, разсуждая объ украинскомъ языкѣ и чувствуя всю недостаточность своихъ свѣдѣній по этому вопросу, писалъ: «Малороссійскаго нарѣчія до сихъ поръ, къ стыду своему, мы основательно не знаемъ, хотя и имѣемъ профессоровъ для всѣхъ славянскихъ нарѣчій» (Исслѣдованія, VII, стр. 426). Но, какъ говорить пословица: «стыдъ не дымъ — глазъ не выѣсть». За эти пятьдесятъ лѣтъ официальная школа ровно ничего не сдѣлала для изученія украинскаго языка и вообще украинскихъ дисциплинъ. А хотя независимо отъ нея ихъ изученіе сдѣлало за это время большіе усѣхи,—кардинальные вопросы, касающіеся Украины, и по сіе время въ высшихъ сферахъ сплошь да рядомъ рѣшаются аргументами, обнаруживающими отсутствіе всякихъ свѣдѣній о дѣйствительномъ положеніи вопроса.

сдѣлано все для того, чтобы украинскій языкъ, культурный органъ одной изъ значительнѣйшихъ народностей Европы, и украинская литература, обладающая крупными произведениями высокой культурной цѣнности,—оставались неизвѣстными, terra incognita по возможности для самихъ Украинцевъ и для образованнаго общества Россіи, не выходя за предѣлы „домашняго обихода“, не достигая значенія культурныхъ орудій.

Еще большій ущербъ, чѣмъ представителямъ высшихъ, интеллигентныхъ классовъ, причиняетъ это преслѣдованіе украинскаго языка народнымъ украинскимъ массамъ—огромный, неоцѣнимый, невознаградимый вредъ ихъ культурному развитію и экономическому благосостоянію. Нынѣшнее жалкое экономическое состояніе украинскаго народа, населяющаго богатѣйшія области Россіи и терпящаго хроническую нужду и даже голодъ на своей благословенной землѣ, не будучи въ состояніи вслѣдствіе бѣдности, непросвѣщенности и вытекающей изъ нея инертности перейти отъ старыхъ способовъ хозяйства къ болѣе раціональнымъ и интенсивнымъ,—страшно страдающаго отъ малоземелья при избыткѣ земли и единственное спасеніе ищущаго въ эмиграціи, совершаемой такими варварскими способами, что она сопровождается почти полнымъ разореніемъ и поголовнымъ вымираніемъ всѣхъ менѣе закаленныхъ особей; страшная безпросвѣтная темнота, отсутствіе общественнаго сознанія, элементарнаго гражданскаго воспитанія у этой по природѣ чрезвычайно интеллигентной и богато одаренной народности, дѣлающія возможными такіа дикія и некультурныя движенія, какъ еврейскіе погромы, холерные бунты, избіенія интеллигенціи; чрезвычайная отсталость на поприщѣ духовной и матеріальной культуры, почти не подвинувшейся здѣсь въ теченіе XIX в., ознаменовавшаяся такимъ колоссальнымъ прогрессомъ другихъ народностей,—все это въ значительной мѣрѣ является результатомъ той системы оглушенія, къ которой въ конечныхъ результатахъ сводится программа подавленія украинской національности.

Народная школа въ Россіи стоитъ вообще не высоко, да-

леко не обслуживая всего количества дѣтей въ школьномъ возрастѣ и при своемъ короткомъ курсѣ сообщая своимъ ученикамъ весьма небольшой культурный запасъ. Въ украинскихъ же губерніяхъ школа даетъ народу такъ мало, что трудно себѣ и представить. Благодаря тому, что преподаваніе отъ начала до конца идетъ на великорусскомъ языкѣ, школа становится только мѣстомъ мученія дѣтей, уродующаго дѣтскія души и не дающаго взамѣнъ почти ничего положительнаго. Это вполне опредѣленно констатировалъ накануне валуевского запрещенія одинъ изъ самыхъ выдающихся педагоговъ Россіи, К. Д. Ушинскій.

„Мало успѣха будетъ имѣть та школа,—пишетъ онъ,—въ которую дитя переходитъ изъ дому, какъ изъ рая въ адъ, и изъ которой оно бѣжитъ домой, какъ изъ темнаго ада, въ которомъ все темно, чуждо и непонятно, въ свѣтлый рай, гдѣ все ясно понятно, и близко сердцу; а почти такое впечатлѣніе должна производить школа на дитя Малороссіянина, когда оно начинаетъ посѣщать это странное мѣсто, въ которомъ одномъ только въ цѣломъ селѣ и говорятъ на непонятномъ языкѣ. Дитя, не слышавшее дома ни одного великорусскаго слова, начинаютъ въ школѣ съ перваго же дня ломать на великорусскій ладъ, и добро бы еще на чисто-великорусскій, а то на тотъ отвратительный жаргонъ, который вырабатывается у малообразованнаго Малоросса при стараніи говорить по-великорусски. Такая школа съ перваго же дня и весьма неласково напоминаетъ ребенку, что онъ не дома, и, безъ сомнѣнія, покажется ему букою. Если такая школа не пуститъ корней въ народную жизнь и не принесетъ для нея полезныхъ плодовъ, то чему же здѣсь удивляться? Иначе и быть не можетъ. Такая школа, во-первыхъ, гораздо ниже народа: что же значитъ она съ своею сотнею плохо заученныхъ словъ передъ тою безконечно-глубокою, живою и полною рѣчью, которую выработалъ и выстрадалъ себѣ народъ въ продолженіе тысячелѣтій; во-вторыхъ, такая школа бессильна, потому что она не строитъ развитія дитяти на единственной плодотворной душевной почвѣ — на народной

рѣчи и на отразившемся въ ней народномъ чувствѣ; въ третьихъ, наконецъ, такая школа бесполезна: ребенокъ не только входитъ въ нее изъ сферы, совершенно ей чуждой, но и выходитъ изъ нея въ ту же чуждую ей сферу. Скоро онъ позабываетъ нѣсколько десятковъ великорусскихъ словъ, которымъ выучился въ школѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ позабываетъ и тѣ понятія, которыя были къ нимъ привязаны. Народный языкъ и народная жизнь снова овладѣваютъ его душою и заливаютъ и изглаживаютъ всякое впечатлѣніе школы, какъ нѣчто совершенно имъ чуждое. Что же сдѣлала школа? Хуже чѣмъ ничего! Она на нѣсколько лѣтъ задержала естественное развитіе дитяти; остается, правда, грамотность или, лучше сказать, полуграмотность, и то не всегда, и можетъ пригодиться къ тому, чтобы на полурусскомъ нарѣчьи написать какую нибудь ябеду; душу же человѣка такая школа не развиваетъ, а портитъ“ *).

Законъ 1876 г., истолкованный въ современной Европѣ, какъ проявленіе той же системы оглушенія (Verdummungssystem) **), санкціонировалъ это направленіе школы, и мы теперь можемъ видѣть наглядные результаты этой системы. Украинскій народъ въ XVII—XVIII в. значительно превышавшій своею культурностію народъ великорусскій, создавшій своими убогими средствами густую сѣть школъ, съ которой едва можетъ сравниться нынѣшняя ***), и удивлявшій чужестранцевъ своими стремленіями къ школѣ и образованію въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ жизни, повидимому не оставившихъ мѣста такимъ культурнымъ запросамъ ****),—въ на-

*) Педагогическая поѣздка по Швейцаріи.—Собраніе педагогическихъ сочиненій К. Д. Ушинскаго, изд. 1875 г., стр. 379.

**) «Записка» харьковскаго университета, с. 7.

***) См. „Очеркъ“, гл. XXIII, с. 402—3. Въ Слободской Украинѣ перешъ 1732 г. показываеъ такой же процентъ учениковъ по отношенію къ населенію, какой существовалъ въ Харьковской губерніи въ 1882 г.; см. докладъ проф. Багалѣя въ брошюрѣ «Къ десятилѣтію издательскаго комитета харьковск. общ. грамотности», 1901 г.

****) См., напр., записки Павла Алеппскаго, посѣтившаго Украину въ эпоху Хмельничины: «Начиная съ этого города (Рашкова, на гра-

стоящее время значительно отсталъ отъ великорусскаго народа, благодаря тому преимуществу, какое даетъ послѣднему (при прочихъ равныхъ и даже менѣе благопріятныхъ условіяхъ) обученіе на родномъ языкѣ. Украинское населеніе гораздо *меньше* пользуется школою, результаты школьнаго обученія среди нея гораздо ниже. рецидивизмъ безграмотности проявляется въ гораздо болѣе значительныхъ размѣрахъ *). Между тѣмъ какъ въ нѣкоторыхъ великорусскихъ губерніяхъ, гдѣ народное образованіе поставлено лучше, процентъ безграмотныхъ падаетъ ниже 20%, въ украинскихъ губерніяхъ онъ нигдѣ не идетъ ниже 50%, а рецидивизмъ вырастаетъ до ужасающихъ размѣровъ, причемъ наблюдается иногда очень скоро, уже чрезъ три-четыре года по выходѣ изъ школы.

Это вполне понятно. Обученіе на чужомъ языкѣ поглощаетъ энергію сельскаго дитяти до такой степени, что для общаго развитія и приобрѣтенія реальныхъ познаній почти не остается возможности. Напр., высчитано, что наиболѣе удобопонятно составленная изъ употребляемыхъ въ нынѣшнихъ школахъ книгъ для первоначальнаго обученія—книга Бунакова въ первыхъ пяти урокахъ даетъ на общее число 64 словъ только 17 понятныхъ для украинскаго ребенка; въ шестомъ урокѣ изъ 14 словъ семь вовсе не понятны ему, въ седьмомъ изъ 18 девять, и такъ далѣе, не говоря о словахъ

ницѣ Украины съ Молдавіею) и по всей землѣ русскихъ (этими именами онъ называетъ Украинцевъ, противопоставляя ихъ «Московитамъ»), то есть казаковъ, мы замѣтили возбуждающую наше удивленіе прекрасную черту: всѣ они, за исключеніемъ немногихъ, даже большинство ихъ женъ и дочерей, умѣютъ читать и знаютъ порядокъ церковныхъ службъ и церковныя наѣвы; кромѣ того, священники обучаютъ сиротъ и не оставляютъ ихъ шататься по улицамъ невѣждами“ (т. II, с. 2 перевода Муркоса) «Дѣти многочисленныя травы, и всѣ умѣютъ читать, даже сироты» — и тутъ же характерное поясненіе, переносящее насъ въ тяжелыя условія тогдашней жизни: «вдовъ и сиротъ въ этой странѣ множество: ихъ мужья были убиты въ непрерывныхъ войнахъ» (ibid., с. 15).

*) Бѣлоконскій. Итоги земской дѣятельности по народному образованію—«Русская Школа» 1902.

понятных до нѣкоторой степени (при иномъ произношеніи, удареніи, нѣскольکو иномъ значеніи, и т. д.) *). Звуковыя схожести при совершенно отличномъ значеніи составляютъ для ребенка непреоборимыя трудности въ пользованіи великорусскимъ языкомъ и великорусской книгой въ дальнѣйшемъ. Если слово „пенька“ украинскій ребенокъ понимаетъ какъ „пеньок“ (пень), „рожа“ какъ „роза“, „лучи“ какъ „лучче“ (лучше), „бабочка“ какъ „баба, женщина“, то чтеніе великорусской книги, само собою разумѣется, превращается въ болѣе или менѣе удачное разгадыванье шарадъ, а результаты школьной выучки проявляются въ такихъ фразахъ, записываемыхъ въ школьныхъ тетрадяхъ: „слива плотоядное дерево“, „дыня огородная насѣкомая“, и т. п. Онѣ показываютъ совершенно очевидно, что великорусскія слова, въ концѣ концовъ заученныя на память, остаются для ученика совершенно мертвыми звуками, съ которыми мозгъ его не связываетъ никакихъ реальныхъ понятій. Нынѣшняя школьная система, рассматривающая великорусскій языкъ какъ родной для украинскіхъ дѣтей и предлагающая его послѣднимъ даже безъ точнаго объясненія отличій этой оффиціальной рѣчи отъ родного языка дѣтей, наполняетъ ихъ голову такимъ столпотвореніемъ словъ и понятій, что вмѣсто развитія безвозвратно забиваетъ болѣе слабыя дѣтскія головы.

Вся энергія преподавателей и учениковъ идетъ на механическую выучку. Церковнославянскія молитвы для „удобопонятности“ переводятся съ одного непонятнаго на другой тоже непонятный языкъ—великорусскій, и ребенокъ, дѣлающій первые шаги въ школѣ, принужденъ „для пониманія“ выучить кромѣ славянскаго еще и великорусскій текстъ молитвы. Этотъ конкретный примѣръ можетъ служить характеристикой современной школы, предлагаемой украинскому

*) Вартовий—Яка тепер школа на Україні, ср. «Записку» харьковскаго университета и рефератъ С. Русовой при Запискѣ академіи наукъ. Во время печатанія этой главы появилась по этому вопросу еще статья В. Гринченка «На безпросвѣтномъ пути», Рус. Богатство, 1905 г., X—XII.

населенію—объясненія непонятнаго непонятнымъ, а въ результатѣ школьной выучки—только задержка въ развитіи, засореніе мозга неувоеннымъ балластомъ, „извращеніе самостоятельнаго развитія народа, извращеніе всей его духовной природы“, какъ опредѣляли результаты такой системы обученія на чужомъ языкѣ одинъ изъ выдающихся педагоговъ Россіи уже сорокъ лѣтъ тому назадъ *). Приводя официальные взгляды, по которымъ великорусскій литературный языкъ есть настоящій „русскій“ языкъ, подлежащій усвоенію украинскими дѣтьми, а ихъ украинскій языкъ только его „испорченная“, искаженная разновидность, „жаргонъ“, „арго“,—школа внушаетъ дѣтямъ пренебреженіе къ родному языку, но, не будучи въ состояніи научить ихъ „настоящему“, въ концѣ концовъ лишаетъ ихъ всякаго языка, приводя къ употребленію того „отвратительнаго жаргона“, который, свидѣтельствуя объ этомъ „извращеніи духовной природы“ жертвъ нынѣшней школьной системы—недостаткѣ у нихъ сознательности въ выраженіи, а затѣмъ и ясности въ мышленіи, объ отсутствіи языка какъ точнаго выраженія мысли—является однимъ изъ самыхъ яркихъ проявленій того культурнаго упадка, на который осудилъ украинское населеніе старій режимъ. Въ этихъ условіяхъ, очевидно, украинское крестьянство неизбѣжно должно все болѣе и болѣе отставать отъ крестьянства великорусскаго.

То знаніе великорусскаго языка, какое учитель въ состояніи вбить въ голову украинскому ребенку въ полтора-два года школьной науки (дальше двухъ лѣтъ школьнаго обученія большинство дѣтей вѣдь не идетъ), конечно, совершенно недостаточно для того, чтобы сдѣлать великорусскій языкъ орудіемъ дальнѣйшаго самообразованія для ученика этой школы. Великорусскій языкъ остается для него собраніемъ болѣе или менѣе непонятныхъ, курьезныхъ словъ, и украинскій воспитанникъ великорусской школы и по выходѣ изъ нея читаетъ великорусскую книгу съ трудомъ, пони-

*) Вессель, въ журналѣ «Учитель» 1862: Мѣстный элементъ въ обученіи.

маеть ее слабо и, понятно, не любить ее читать; это констатируют единодушно наблюдатели современной украинской жизни *). Большой спрос среди народа оказывается на книгу украинскую, но...

Мы знаемъ уже, что національная политика Россіи въ продолженіе сорока лѣтъ съ неослабною энергіею стремилась къ тому, чтобы „въ цѣляхъ чисто государственныхъ“ сократить до минимума книжное производство на украинскомъ языкѣ и ограничить его родами литературы, представляющими наименѣе реального содержанія, — изящной литературой безъ социальныхъ, историческихъ и национальныхъ мотивовъ, и то по возможности худшаго качества. Популярно-научная и практическая литература для народа оставалась для украинскаго слова сферою запрещенною. За сорокъ лѣтъ черезъ цензуру не прошло и сорока популярныхъ книжекъ, да и появившіяся прошли какъ исключенія, благодаря особымъ ходатайствамъ, случайнымъ послабленіямъ или счастливымъ случайностямъ, между тѣмъ какъ сотни другихъ окончили свое существованіе въ цензурныхъ архивахъ **). Даже изданіе летучихъ листовъ или краткихъ брошюръ съ гигиеническими совѣтами при эпидеміяхъ холеры, дифтерита и т. п. встрѣчало обыкновенно непреобо-

*) «Крестьянинъ-Украинецъ читаетъ гораздо меньше, чѣмъ Великороссъ, и даже въ большинствѣ случаевъ совсѣмъ отказывается отъ книгъ по сельскому хозяйству и медицинѣ, совершенно ихъ не понимая, и, слѣдовательно, лишается могучаго средства для поднятія своей сельскохозяйственной культуры и для огражденія своего здоровья отъ бича болѣзней. Неудивительно, что книжки, издаваемые для народа хотя и украинскими просвѣтительными обществами, но на русскомъ языкѣ (харьковское и кіевское) — имѣютъ сбытъ главнымъ образомъ не въ украинскихъ селахъ, а въ отдаленныхъ сѣверныхъ великорусскихъ губерніяхъ. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ безпристрастные наблюдатели констатируютъ фактъ слабого культурнаго роста Малоросса, а въ связи съ этимъ стоитъ и низкое развитіе его сельскохозяйственной и промышленной культуры» (Доклады лохвицкой комиссіи).

**) Вотъ нѣсколько заглавій запрещенныхъ цензурою книжекъ: Якъ живе тіло людське (популярная фізіологія), Порадникъ матерямъ, Порадникъ жінкамъ, Якъ годувати малихъ дітей, и т. п.

римыя трудности. Для обхода этого страшнаго запрещенія развивается невиданная литература популярно-научныхъ книжекъ въ sui generis беллетристической формѣ и благодаря такой беллетристической оболочкѣ удалось увидѣть свѣтъ божій нѣсколькимъ десяткамъ книжекъ научнаго содержанія, вродѣ, напр., популярной профилактики дифтерита подъ заглавіемъ: „Видь чого вмерла Мелася“, книжки объ-шенствѣ „Добра порада“, и т. п. Конечно, „беллетристическая форма“ въ такихъ книжкахъ должна неминуемо хромать очень сильно и въ значительной степени ослабляетъ даже поучительную силу такой книжки, такъ какъ благодаря такой формѣ ее принимаютъ какъ „сказку“, но въ крайности приходилось прибѣгать и къ такимъ формамъ—впрочемъ, также не всегда спасавшимъ книгу, такъ какъ цензура не соглашается иногда пропускать гигиѣну или сельское хозяйство даже подъ такимъ беллетристическимъ флагомъ.

Такимъ образомъ друзья и ревнители культурнаго и экономическаго подъема украинскаго населенія, несмотря на все свое желаніе, на всѣ усилія, могли ему предложить очень немного для просвѣщенія и поученія. Но и то немногое, что удавалось при помощи всякихъ ухищреній провести сквозь игольное ухо цензуры, встрѣчало новыя безконечныя трудности въ своемъ распространеніи среди народа. Какъ всякое проявленіе національной жизни, украинская книга, хотя бы дозволенная цензурою, считается въ административныхъ сферахъ явленіемъ опаснымъ, предметомъ дальнѣйшихъ стѣсненій и преслѣдованій. Министерство народнаго просвѣщенія не допускаетъ украинскихъ книгъ для народнаго чтенія въ школьныя бібліотеки и народныя читальни. Продажа украинскихъ книгъ (конечно, я говорю о дозволенныхъ цензурою) встрѣчается съ разными придирками со стороны низшей администраціи и полиціи, и потому сельскіе и ярмарочные продавцы не рѣшаются держать украинскую книгу, особенно въ болѣе значительныхъ сортаментахъ, и предпочитаютъ предлагать сельскому читателю „безопасныя“ произведенія великорусской лубочной литературы. Въ рукахъ читателя украинская книга также встрѣ-

чается съ преслѣдованіями со стороны низшихъ чиновъ полиціи: нерѣдки случаи разныхъ неприяностей, постигающихъ крестьянъ со стороны урядниковъ, стражниковъ и иныхъ чиновъ за то, что они имѣли у себя украинскія (цензурныя) книги или одаживали ихъ своимъ односельчанамъ.

Этотъ недостатокъ украинской школы и украинской книги живо ощущается самимъ народомъ; опросы крестьянъ не оставляютъ въ этомъ случаѣ мѣста сомнѣнію. Одинъ изъ такихъ опросовъ былъ произведенъ еще въ 1860-хъ гг. въ Полтавѣ; недавно опубликованъ былъ подобный опросъ, сдѣланный въ 1905 году въ Золотоношскомъ уѣздѣ Полтавской губ. *). Спрошенные поголовно,—за исключеніемъ нѣсколькихъ неразвитыхъ, безучастныхъ единицъ или богатыхъ крестьянъ, усвоившихъ уже некрестьянскія воззрѣнія,—высказывались за необходимость украинской школы, украинской книги, дешевыхъ газетъ на украинскомъ языкѣ—всего того, въ чемъ имъ упорно отказываетъ нынѣшній режимъ.

Получается заколдованный кругъ, откуда нѣтъ выхода. Великорусскихъ книгъ украинскій крестьянинъ не понимаетъ и не хочетъ, украинскихъ—не получаетъ. Въ концѣ концовъ, какъ констатируютъ изслѣдователи народной жизни, украинскій крестьянинъ читаетъ очень мало, сравнительно гораздо меньше, чѣмъ крестьянинъ великорусскій, не лишенный популярной литературы на родномъ языкѣ. Вынося очень мало реальныхъ свѣдѣній изъ школы, украинскій крестьянинъ не имѣетъ и возможности пополнить недостатокъ своихъ свѣдѣній чтеніемъ. Само искусство чтенія за недостаткомъ упражненія довольно скоро утрачивается, не говоря уже о письмѣ, и рецидивизмъ безграмотности проявляется въ украинскихъ губерніяхъ въ огромныхъ размѣрахъ.

Рядъ другихъ запрещеній дополняетъ это осужденіе на духовную тьму украинскихъ массъ. Публичныя чтенія на украинскомъ языкѣ воспрещены. Проповѣдь на украинскомъ языкѣ не допускается также. Изъ суда и административ-

*) Протопоповъ, Исторія петербургск. комитета грамотности, с. 279, «Кіевская Старина», 1905, VI, с. 298.

ныхъ учрежденій украинскій языкъ изгнанъ, съ большимъ ущербомъ для интересовъ крестьянъ, имѣющихъ дѣло съ этими учреждениями. Общеизвѣстны случаи, гдѣ крестьянинъ-обвиненный и его судьи не понимали другъ друга, говоря разными языками, и результаты такихъ недоразумѣній бываютъ очень печальны.

„Нѣтъ, вѣроятно, народа, который былъ бы поставленъ въ столь ненормальныя условія своего существованія, какъ украинскій, — справедливо заявляютъ въ одной петиціи представители украинской интеллигенціи.—Лишенный права пользованія роднымъ языкомъ, какъ средствомъ своего развитія, и осужденный тѣмъ на безмолвіе, онъ лишень и всякой возможности воспринять культурныя пріобрѣтенія человѣчества. Отсюда ужасная культурная отсталость и, какъ естественное послѣдствіе ея, слишкомъ низкій уровень экономическаго благосостоянія народныхъ массъ“ *).

И тѣмъ не менѣе эта система, осуждающая на духовную смерть, упадокъ и экономическое захуданіе огромную народность, проживъ съ лишнимъ сорокъ лѣтъ, держится почти въ полной силѣ и сохранности по нынѣшній день. Подобно тому какъ въ XVII—XVIII вв. московская бюрократія съ холоднымъ упорствомъ шагъ за шагомъ уничтожала политическія права, автономію и конституціонныя формы Украины, закрывая глаза на глубокое негодованіе украинскаго общества, отчаянныя проявленія прредентизма, созданнаго этой централистической политикой, игнорируя историческія и документальныя ссылки, оставляя безъ послѣдствій всѣ петиціи и депутаціи и противопоставляя всѣмъ аргументамъ и просьбамъ военную силу, карательныя мѣры, казни и ссылки,—такъ же поступала бюрократія XIX в. въ сферѣ культурныхъ отношеній. Оставаясь глухою ко всѣмъ ссылкамъ на историческія и культурныя традиціи Украины, на человѣческія права, на элементарныя требованія справедливости и такія же элементарныя экономическія и культурныя потребности на-

*) Петиція изъ г. Лубень—«Кіев. Старина», 1905, III, с. 255.

родныхъ массъ, она вела свою политику „непризнанія“ украинской народности, ея культурныхъ и національныхъ нуждъ. Она закрывала глаза на симптомы неудовольствія, броженія, такія явленія, какъ дѣятельное участіе украинскихъ элементовъ въ революціонныхъ и террористическихъ движеніяхъ, образованіе въ украинскомъ обществѣ крайнихъ партій и направленій, развитіе среди народныхъ массъ отличающагося необыкновеннымъ стихійнымъ напряженіемъ аграрныхъ движеній. Съ неумолимою точностью автомата она отбрасывала въ продолженіе десятилѣтій безчисленныя петиціи объ освобожденіи украинскаго слова, о разрѣшеніи украинской прессы, о допущеніи украинскаго языка въ школу и т. п., квалифицируя какъ преступленія, какъ покушеніе на государственное единство всякое живое проявленіе непреоборимыхъ духовныхъ потребностей народа...

Освободительныя вѣянія, пронесшіяся въ правящихъ кругахъ Россіи въ концѣ 1904 г., поколебали-было эту непреклонную рѣшимость правящихъ сферъ въ проскрипціи украинскаго слова. Комитетъ министровъ, приступивъ въ послѣднихъ дняхъ 1904 г. къ обсужденію способовъ устраненія изъ постановленій о печати излишнихъ стѣсненій, остановился между прочимъ и на стѣсненіяхъ украинскаго слова. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что „укаинофильское движеніе“ не представляетъ, собственно говоря, никакой опасности, а между тѣмъ примѣненіе закона 1876 г. приноситъ видимый вредъ: „значительно затрудняя распространеніе среди малорусскаго населенія полезныхъ свѣдѣній путемъ изданія на повятномъ для крестьянъ нарѣчій книгъ, препятствуетъ повышенію нынѣшняго низкаго культурнаго его уровня“ *). Хотя необходимость отмѣны стѣсненій, тяготѣющихъ на украинскихъ изданіяхъ, въ виду этого комитета представлялась вполне ясно, онъ однако „въ видахъ вышшей осторожности“ поручилъ министрамъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія запросить еще по этому вопросу академію наукъ, университеты кiev-

*) Отвошеніе министра нар. просвѣщенія академіи наукъ отъ 30 янв. 1905.

скій и харьковскій и кіевскаго генералъ-губернатора, и ихъ соображенія вмѣстѣ съ своими заключеніями предложить комитету для окончательнаго рѣшенія. Всѣ запрошенныя инстанціи высказались за отмѣну стѣсненій украинскаго слова. Академія наукъ въ обширномъ рефератѣ опровергла ходячіе аргументы, выставившіеся противъ украинскаго языка и украинской литературы, и, выказавъ огромный вредъ, причиненный запрещеніями украинскаго слова, находила необходимою и неотложною отмѣну запрещеній, тяготящихся на украинскомъ словѣ, чтобы украинское населеніе „имѣло такое же право, какъ и великорусское, говорить публично и печатать на родномъ своемъ языкѣ“. Харьковский университетъ въ своей запискѣ поставилъ кромѣ того вопросъ о необходимости введенія украинскаго языка въ народной школѣ въ мѣстностяхъ съ украинскимъ населеніемъ, допущенія украинскихъ книгъ въ народныя читальни и бібліотеки, предоставленія полной свободы бесѣдъ, чтеній и проповѣдей на украинскомъ языкѣ, отмѣны всякихъ ограниченій относительно украинской прессы и сцены^{*)}. Уже въ мартѣ мѣсяцѣ 1905 года комитетъ имѣлъ возможность ознакомиться съ записками запрошенныхъ учреждений, однако минуло еще полгода безъ всякаго движенія вопроса, и наконецъ въ сентябрѣ появились извѣстія, что въ концѣ концовъ отмѣна запрещеній украинскаго слова правительствомъ признана „несвоевременною“. Старыя проскрипціонныя традиціи взяли верхъ надъ соображеніями о вредѣ и несправедливости стѣсненій украинскаго слова, и разносторонніе, богатые доводы компетентныхъ ученыхъ и административныхъ учреждений оказались безсильными предъ неумолимыми традиціями бюрократическаго Молоха.

Что сознаніе вреда, причиняемаго запрещеніемъ украинскаго слова, въ рѣшающихъ сферахъ скоро уступило мѣсто инымъ соображеніямъ, это показали и другія постановленія. Глубокое изумленіе возбудилъ тотъ фактъ, что, вводя польскій и литовскій языкъ въ преподаваніе народныхъ школъ

^{*)} «Записка по вопросу о цензурѣ книгъ на малорусскомъ языкѣ» (официальное изданіе совѣта харьковскаго университета).

высшихъ типовъ и среднихъ учебныхъ заведеній сѣверо- и юго-западнаго края, правительственное распоряженіе (3 мая 1905 г.) совершенно обошло языки украинскій и бѣлорусскій. Разгадку дало появившееся затѣмъ „извлеченіе изъ журнала комитета министровъ“, гдѣ сообщенъ такой мотивъ: „Сображая, какія изъ нарѣчій, употребляемыхъ населеніемъ западнаго края, настолько филологически обособились и развились, что могутъ стать предметомъ преподаванія, комитетъ высказалъ, что малороссійское и бѣлорусское нарѣчія такъ близки русскому языку, что совмѣстное преподаваніе ихъ не вызывается потребностями дѣла; бѣлорусское нарѣчіе къ тому же, не имѣя литературы, едва ли даже можетъ быть преподаваемо самостоятельно“. Для комитета такимъ образомъ остались мертвыми словами выводы академіи наукъ (казалось бы—учрежденія, по вопросамъ филологіи достаточно компетентнаго и въ его глазахъ) объ исконности украинскаго языка, о невозможности исключать его понятіемъ несуществующаго общерусскаго языка, о печальныхъ результатахъ, къ какимъ приводитъ его преслѣдованіе, и т. д. Комитетъ не остановило соображеніе, что, въ качествѣ роднаго языка украинскіхъ дѣтей, украинскій языкъ, независимо отъ своего ранга, имѣетъ такое же право на преподаваніе имъ, какъ польскій и литовскій дѣтямъ польскимъ и литовскимъ. Ему извѣстно было, какъ видно изъ приведенныхъ словъ, что на этомъ языкѣ существуетъ литература, съ которой украинскія дѣти имѣютъ право на знакомство не менѣе, чѣмъ польскія или литовскія дѣти—съ польскою и литовскою. Но, очевидно, принципъ: „не было, нѣтъ, и быть не можетъ“ вытѣснилъ всѣ эти соображенія.

Фактъ этотъ, впрочемъ, не стоялъ и не стоитъ одиноко. Допуская въ мѣстностяхъ Привислинскаго края съ преобладающимъ польскимъ населеніемъ польскій языкъ въ дѣлопроизводство сельскихъ правленій и въ сношенія съ ихъ непосредственнымъ начальствомъ, правительственное распоряженіе въ тѣхъ мѣстностяхъ этого края, гдѣ преобладаетъ украинское населеніе, сохраняетъ языкъ (велико-) русскій. Остается даже незатронутымъ вопросъ объ украинскомъ

языкъ въ школѣ и въ управленіи въ губерніяхъ чисто-украинскихъ. Оставались безъ удовлетворенія ходатайства о допущеніи украинскихъ книгъ въ народныя читальни. Отклонены были десятки прошеній о разрѣшеніи изданія украинскихъ газетъ и журналовъ, поступившихъ за послѣдніе годы, вплоть до самаго конца 1905 года. Безъ результата и даже безъ отвѣта остались ходатайства о допущеніи къ обращенію въ Россіи научныхъ и литературныхъ изданій на украинскомъ языкѣ, выходящихъ въ Галиціи, и т. д.

Пока единственную брешь въ старой практикѣ сдѣлали временныя правила о періодической печати, распространивъ введенный ими порядокъ изданія повременныхъ изданій на всѣ языки, не исключая и украинскаго, и послѣдовавшій за ними циркуляръ о порядкѣ допущенія заграничныхъ періодическихъ изданій. Явилась возможность издавать украинскія газеты, притомъ безъ соблюденія „общерусскаго“ правописанія. Но въ дѣйствительности изданіе и распространеніе украинской газеты среди хронически господствующихъ въ украинскихъ губерніяхъ усиленныхъ охранъ и военныхъ положеній оказалось вещью настолькоъ трудною, требующею такого полнаго воздержанія отъ всѣхъ животрепещущихъ темъ украинской жизни, что и эта брешь имѣетъ пока чисто формальное значеніе. Указъ 1876 г. считается дѣйствующимъ закономъ и связанная съ нимъ цензурная практика не поколеблена. Остается неизвѣстнымъ, насколько улучшить положеніе живого украинскаго слова опубликованная на-дняхъ отмѣна пресловутыхъ „временныхъ правилъ къ устройству чтеній для народа“. Оптимистомъ впрочемъ быть трудно.

Въ правящихъ сферахъ, гдѣ столько говорилось о небезопасности украинскаго сепаратизма и т. п., очевидно, находятъ все еще недостаточною силу и напряженность украинскаго движенія, чтобы снять стѣсненія, тяготящія на украинствѣ. Безчисленныя петиціи, адреса, записки, поступавшіе изъ разныхъ мѣстностей, изъ разныхъ круговъ украинскаго общества, въ его глазахъ кажутся все еще слабымъ выраженіемъ потребностей украинскаго населенія. Эти сферы предоставляютъ ему высказать предварительно свои запросы

болѣе сильно и напряженно—иначе трудно себѣ истолковать политику послѣдняго года.

Къ сожалѣнію, нужно сказать, что игнорированіе правящими сферами украинскаго вопроса совпадаетъ съ довольно безучастнымъ же отношеніемъ къ этому вопросу самого великоросскаго общества и его руководящихъ круговъ. Если „патріотическая“ часть печати не щадитъ инсинуацій и обвиненій по отношенію къ кардинальнымъ запросамъ украинскаго общества, то въ прогрессивныхъ органахъ обыкновенно царствуетъ холодное и мало располагающее молчаніе. По большей части нѣтъ прямо враждебныхъ выходокъ, но нѣтъ сочувствія и помощи. Ее находятъ Поляки, Финляндцы, нѣкоторыя другія народности, но безпощадно угнетенная украинская народность, самая большая изъ негосударственныхъ народностей Россіи, наиболѣе близкая по крови великороссійской и внесшая въ сокровищницу ея культурной, общественной и государственной жизни столько, сколько не внесла никакая другая, не находитъ живой поддержки въ своихъ стремленіяхъ къ раскрѣпощенію.

„Мы, Великороссы, веѣ, за исключеніемъ развѣ немногихъ, нужно правду сказать, или совершенно индифферентно относились, или, что еще хуже, старались и стараемся веѣми силами противодѣйствовать самостоятельному ихъ (т. е. Украинцевъ), на національной почвѣ построенному, развитію,—писалъ недавно очень искренно, хоть и не очень складно, одинъ „Великороссъ“ *).—Вѣдь мы, Великороссы, только и ограничиваемся ровно ничего не стоящими восклицаніями по адресу „хохловъ“—украинцевъ объ ихъ краѣ, гдѣ „среди садовъ деревья гнутся долу“, объ ихъ пѣвучести и „удивительномъ“, своеобразномъ ихъ характерѣ, а между тѣмъ не видимъ, что этотъ нашъ братскій народъ, которому мы многимъ обязаны, весь стонетъ отъ своей приниженности, главнымъ виновникомъ которой являемся въ послѣднемъ счетѣ мы, Великороссы!“

„Вѣдь не тайна, что въ свое время не сочувствовалъ этому

*) Цитирую по перепечаткѣ въ «Кіев. Старинѣ», 1905, VI.

даже такой человекъ, какъ Бѣлинскій—этотъ идолъ современной ему великорусской нашей молодежи. Вѣдь онъ одобрѣялъ даже арестъ Шевченка и называлъ его, Кулиша и другихъ „ему подобныхъ“ чуть ли не дураками, негодяями, проникнутыми „мелкимъ хохлацкимъ патріотизмомъ“ („Отечественныя Записки“). А нынѣшніе Суворины, Грингмуты, Ярмонкины со своими „Зарями“, Мещерскіе съ „Гражданинами“, гг. Ивановы, Берги со своими „Театральными Вѣстниками“, „Родными Рѣчами“, „Днями“, „Родными Нивами“ и т. п., и т. п. Развѣ эти господа не доказываютъ *) своими трещотками молчаніе по этому вопросу передового нашего общества? Нѣкоторые изъ нашихъ говорятъ еще, что и сами Украинцы не совсѣмъ горячо требуютъ своего; но развѣ, господа, вы не видите по этому дѣлу петицій, проектовъ, докладныхъ записокъ и т. п.? Развѣ наше великорусское общество не знаетъ обнародованныхъ въ печати за декабрь и январь мѣсяцы 1905 года и потерпѣвшихъ неудачу чуть ли не 20 прошеній объ изданіи украинскаго журнала? Развѣ нашему обществу неизвѣстны массовыя требованія украинской интеллигенціи изъ Одессы, Кіева, Лубенъ, Харькова и другихъ городовъ, отъ земствъ, педагоговъ-учителей, писателей украинскихъ, сельскихъ обществъ и др. о введеніи украинскаго языка въ школы? Развѣ великорусское наше общество не знало о дѣлѣ по этому дѣлу депутаціи въ Петербургъ? А блестящая просвѣтительная дѣятельность ихъ въ родной Галичинѣ, мѣстныя тамъ научныя общества, школы среднія, низшія и высшія съ украинскимъ преподавательскимъ языкомъ, всевозможныя газеты, журналы и т. п.—развѣ все это не доказываетъ неутомимой энергіи сознательной половины украинскаго общества на благое дѣло? Но кто сочувственно откликнулся изъ нашихъ по этому вопросу? Кто привѣтствовалъ добрыя начинанія Украинцевъ? Никто... Все наше общество апатично молчало и молчитъ или косо-недовѣрчиво поглядываетъ на поднимающее голову „хохломанство-украинофильство“, какъ не стѣсняются и до сихъ поръ обозначать

*) Авторъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать «оттѣняютъ».

гг. Суворины, Ивановы и компанія культурное движеніе Украинцевъ“.

Историческимъ процессомъ поставленная между народностью великорусскою и польскою, находящимися въ лучшихъ условіяхъ для своего національнаго развитія, украинская народность все еще слишкомъ часто считается *quantité negligible*. Представители великорусскаго и польскаго общества готовы устанавливать свои отношенія за счетъ украинской народности, не справляясь о стремленіяхъ и желаніяхъ этой послѣдней. Такъ, напр., постулатъ выдѣленія въ автономное политическое тѣло такъ наз. Привислинскаго края въ нынѣшнемъ его составѣ, принятый въ руководящихъ сферахъ польскаго и великорусскаго общества, не находилъ нужнымъ серьезно считаться съ тѣмъ фактомъ, что эта совершенно случайно и произвольно скроенная область кромѣ польской территоріи заключаетъ въ себѣ также территоріи украинскія, бѣлорусскія и литовскія. Изъ украинской территоріи включена въ ея составъ почти вся Холмская Русь, входившая до половины XIV в. въ составъ Галицко-Волинскаго государства, а позже—Русскаго воеводства, и ни исторически, ни этнографически не имѣющая ничего общаго съ коренной Польшей. Включеніе ея въ границы автономной Польши, конечно, было бы вопіющею несправедливостью по отношенію къ украинскому народу, но напоминанія объ этомъ представителей украинской интеллигенціи невнимательно и недоброжелательно встрѣчались не только въ польскихъ, но и въ великорусскихъ кругахъ, очевидно, не желавшихъ такими „мелочами“ нарушать гармонію польско-великорусскаго соглашения.

Такихъ примѣровъ можно было бы дать и больше. Я не буду останавливаться на нихъ, а укажу на явленіе еще болѣе крупное—безучастное или даже несочувственное отношеніе значительнаго большинства прогрессивной великорусской интеллигенціи къ постулату автономіи Украины. Между тѣмъ какъ требованіе автономіи Польши, напр., весьма опредѣленно поддерживалось и пропагандировалось ею, требованіе автономіи Украинцевъ встрѣчалось непріязненно, и многіе люди,

которых мы привыкли считать лучшими представителями великорусской интеллигенции, не останавливались даже предъ разсужденіями, что иное дѣло Польша, а иное Украина, что украинскій языкъ не болѣе какъ нарѣчіе великорусскаго, и автономія Украины абсурдъ, и т. д. Не входя въ оцѣнку этихъ аргументовъ, я только напомню, что, призывая всѣ народности Россіи къ дружной работѣ надъ ея освобожденіемъ, необходимо позаботиться о томъ, чтобы эти народности въ схемѣ обновленной Россіи находили удовлетвореніе своихъ наиболѣе существенныхъ нуждъ — въ томъ числѣ и народность украинская, независимо отъ всякихъ филологическихъ или дипломатическихъ соображеній, созданныхъ „истинно-русскими“ публицистами, ничего общаго съ прогрессивною Россією не имѣющими. Иначе какая же возможна дружная работа, какое единодушіе и довѣріе?

Вообще опытъ послѣдняго времени, такъ много сдѣланнаго для преоцѣнки многихъ теоретическихъ и практическихъ цѣнностей, благодаря открывшейся возможности высказаться сравнительно свободно по кардинальнымъ вопросамъ общественныхъ и національныхъ отношеній, много содѣйствовало уясненію положенія украинства въ Россіи и ожидающихъ его перспективъ. Выяснилось, какъ мало можно ожидать, при всѣхъ вѣянїяхъ, какихъ либо уступокъ отъ бюрократіи. Съ другой стороны, представилось съ совершенною ясностью, что и введеніе конституціоннаго строя само по себѣ вовсе не разрѣшаетъ украинскаго вопроса, а вводитъ только новые факторы въ борьбу украинской народности за ея національное самоопредѣленіе.

Вполнѣ опредѣленно вырисовался предъ украинскимъ обществомъ фактъ, что гарантіи свободнаго національнаго, экономическаго и культурнаго развитія оно можетъ найти лишь въ автономіи, обнимающей всю украинскую территорію, т. е. мѣстности съ преобладающимъ украинскимъ населеніемъ Россіи. Только такая реформа можетъ избавить его отъ перспективы національной борьбы, отъ необходимости тратить усилія на разрѣшеніе національнаго вопроса, организуя общественныя силы для борьбы съ неблагоприятнымъ отношеніемъ

къ украинству правящей бюрократіи и руководящихъ сферъ великорусскаго общества, расходовать общественную энергію на національное треніе, для достиженія того, что должно послужить простою почвою для развитія культурнаго и экономическаго прогресса народа—свободы и нестѣсненности его національной стихіи. Съ выдѣленіемъ національной территоріи и предоставленіемъ ей широкаго самоуправленія, національность превращается изъ боевого клича, изъ предмета борьбы, парализующей устроеніе экономическихъ и культурныхъ отношеній, въ нѣчто само собою подразумѣваемое, никакихъ особыхъ усилій и соображенія не требующее, простую почву, какъ я сказалъ, на которой совершенствуются экономическія и культурныя отношенія. Для народности такъ запущенной бюрократическою политикою въ своемъ экономическомъ и культурномъ развитіи, какъ украинская, было бы въ высшей степени важно получить возможность сосредоточить все силы и энергію на экономическомъ и культурномъ подъемѣ массъ, не тратя времени и силъ на національную борьбу—и эту возможность можетъ дать ей только національная автономія *).

Это сознаніе проникаетъ все глубже въ современное украинское общество, и на пунктѣ національной автономіи въ настоящее время сходятся все національныя теченія его. Оно сходитъ на этомъ пунктѣ и съ другими негосударственными народностями Россіи, стремленія которыхъ нашли выраженіе въ резолюціяхъ съѣзда журналистовъ и литераторовъ Россіи, въ апрѣлѣ 1905 года:

„Признавая полную гражданскую и политическую равноправность всехъ народностей, входящихъ въ составъ Россійскаго государства, и право каждой изъ нихъ на самостоятельное національно-культурное самоопредѣленіе, съѣздъ находитъ необходимымъ, чтобы эта равноправность и это право были гарантированы основнымъ закономъ государства и чтобы отдѣльнымъ народностямъ была предоставлена возможность созданія учреждений, осуществляющихъ ихъ

*) Ср. статью мою: Децентрализація и національный вопросъ—«Сынъ Отечества», 1905 № 133.

право на свободное національно-культурное развитие. Исходя из основного положенія о политическомъ единствѣ Россійскаго государства и вмѣстѣ съ тѣмъ признавая необходимость децентрализаціи государственнаго управления, съѣздъ находитъ, что за отдѣльными народностями, заселяющими опредѣленныя части государственной территоріи, должно быть признано право на автономію на основаніяхъ, устанавливаемыхъ особымъ для каждой области органическимъ статутомъ“ *).

Только автономія можетъ сочетать потребности части съ потребностями цѣлаго, интересы области съ интересами цѣлости государства. Только національно-территориальная автономія обезпечить свободное развитие отдѣльныхъ національностей въ составѣ государства, создастъ надлежащій *modus vivendi* между ними и устранить ихъ центробѣжныя стремленія. Только она можетъ превратить народы Россіи изъ невольниковъ, насильственно прикованныхъ къ колесницѣ побѣдителя, въ свободныхъ соотрудниковъ, озабоченныхъ сохраненіемъ и развитіемъ силъ ихъ общаго отечества—того „отечества“, котораго они не имѣли и не имѣютъ доселѣ. И поэтому принципъ національно-территориальной автономіи долженъ быть проведенъ рано или поздно въ интересахъ самого государства. И чѣмъ ранѣе онъ будетъ осуществленъ, тѣмъ менѣе будетъ потрачено силъ и жертвъ на національную борьбу, на центробѣжныя стремленія.

И въ частности, для украинской народности все другое кромѣ національной автономіи не можетъ быть ничѣмъ большимъ, какъ переходными формами, этапами въ движеніи украинской народности къ возможности самоопредѣленія. Пробужденіе украинскаго общества изъ той безучастности и оцѣпенѣнія, въ которое погрузила большинство его сорокалѣтняя система запрещеній и устрашеній, совершившееся на нашихъ глазахъ и могущественно проявившееся въ воз-

*) Цигирую по перепечаткѣ въ «Кіевской Старинѣ» 1905. V с. 210—1

- вращеніи его къ національнымъ и политическимъ постулатамъ *), служить ручательствомъ, что эти этапы украинское общество не замедлитъ пройти.

Народность, настолько крупная, настолько богатая содержаниемъ и жизненными силами, не разбитыми столѣтіями насильственного подавленія, не можетъ быть приведена къ небытію гнетомъ и запрещеніями. Всѣ эти стѣсненія могутъ только задержать ея развитіе, но не болѣе, и въ концѣ концовъ она не можетъ не взять свое. Факты послѣдняго времени утверждаютъ въ непоколебимомъ убѣжденіи, что широкое и всестороннее развитіе украинской народности лишь вопросъ времени, вѣроятно—очень недалекаго времени.

*) Напомню, напр., петицію украинскихъ литераторовъ объ отменѣ указа 1876 г., такія же петиціи гражданъ г. Харькова и харьковскихъ профессоровъ, одесской интеллигенціи, записку «О нуждахъ украинской печати», покрытую многочисленными подписями, такую же записку: «Нужды украинской школы», петиціи по тому же вопросу кievскаго общества грамотности, полтавскаго сельскохозяйственнаго общества, полтавскаго и черниговскаго губернскаго земства, воспитанниковъ учительскихъ семинарій и т. п. (Большую часть эти записки и петиціи были перепечатаны въ «Кievской Старинѣ»).

51-

Въ продажѣ имѣются,

между прочимъ, еще такія сочиненія того же автора:

Исторія України-Руси 2 изд., т. I, II і III, 1904—5, по	7.50	кронъ.
т. IV, 1 изд., 1903	5.00	„
т. V, 1 изд., 1905	7.50	„
т. V, часть вторая, отдѣльно	3.50	„
(первая часть отдѣльно не продается).		
Розвідки й матеріали до історії України-Руси,		
кн. II—V	12.00	кронъ
Люстрації королівщини в руських землях XVI в.,		
т. I—IV (Жерела до історії України-Руси,		
т. I, II, III і VII)	17.00	„
Вступний виклад з історії давньої Руси, 1894	0.20	„
Віймки з жерел до історії України-Руси кн. I—		
до пол. XI в., 1895	2.00	„
Описи Ратенського староства, 1898	0.60	„
Хмельницький і Хмельницщина, 2 изд., 1899	0.20	„
Звенигород галицький, 1899	0.70	„
Похоронне поле в с. Чехах, 1899	0.60	„
Справа українсько-руського університету у Львові,		
1899	0.50	„
Хронологія подій Галицько-волинської літописи,		
1901	1.00	„
Чи маємо автентичні грамоти кн. Льва	0.50	„
Економічний стан селян в Львівській королів-		
щині XVI в., 1903	0.20	„
Звичайна схема „руської“ історії й справа раціо-		
нального укладу історі східнього словян-		
ства, 1904	0.20	„
Етнографічні категорії й культурно-археологічні		
типи в сучасних студіях східньої Європи,		
1904	0.30	„
Спірні питання староруської етнографії, 1904	0.50	„

Матеріали до історії суспільно-політичних і економічних відносин Західньої України, ч. I,

1905 3.00 кронъ

Складъ этихъ изданій въ книжной торговлѣ Наук. Товариства ім Шевченка, Львовъ, Театральная, 1 (Lemberg, Theaterstr. 1, Schewtschenko-Buchhandlung); въ Россію они высылаются ею заказной бандеролью по расчету за крону по 45—50 коп. съ пересылкою (высылка наложеннымъ платежемъ не имѣетъ мѣста). „Исторія“ высылается по 3 р. 60 коп. за томъ (имѣется также въ книжныхъ магазинахъ кievскихъ, петербургскихъ и др.).

Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Яро-

лава до конца XIV столѣтія 1891 2 р. 75 к.

Волынскій вопросъ 1098—1102 г., 1891 — „ 30 „

Къ вопросу о Болоховѣ, 1893 — „ 15 „

Барское староство, историческіе очерки, 1894. . . 2 „ 25 „

Акты Барскаго староства т. I—II, 1893—4 (Архивъ

Югозап. Россіи, ч. VII, т. 1 і 2). 4 „ — „

Львовское Ученое общество им. Шевченка и его

вклады въ изученіе Южной Руси, 1904 . . — „ 30 „

Еще о граматахъ кн. Льва галицкаго (по поводу

статьи проф. Линниченка), 1904 — „ 15 „

Къ польско-украинскимъ отношеніямъ Галиціи,

1905 — „ 30 „

Склады въ кievскихъ книжныхъ магазинахъ „Кіевской Старины“ (Безаковская, 14) и Н. Оглоблина (Крепцатиць, 33).

Geschichte des ukrainischen (ruthenischen) Volkes,

autorisierte Uebersetzung aus der 2. ukrainischen Ausgabe, I Band (Kommissionsverlag

von B. G. Teubner in Leipzig) 18.00 Mark.

Очеркъ исторіи украинскаго народа, изданіе второе, дополненное (стр. VIII+514+3 карты), 1906 2 р. 50 к.

Украинство въ Россіи, его запросы и нужды 25 к.

Склады изданій въ книжныхъ магазинахъ: Общественной Пользы въ Петербургѣ (Б. Подъячская, 39), Н. П. Карбасникова въ Петербургѣ (Литейный, 46) и Москвѣ (Моховая), „Кіевской Старины“ въ Кіевѣ (Безаковская, 14).